

18+

Лжец.
Мошенник.
Вор... И мой спаситель.

МЯТЕЖНЫЙ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

Л.ДЖ. ШЭН

Л. Дж. Шэн
Мятежный

Серия «Freedom. Интернет-
бестселлеры Л. Дж. Шэн»

Серия «Святые грешники», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67754040
Мятежный: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-169994-9

Аннотация

Бэйн

Безбашенный серфер. Лжец, вор и мошенник.

Последнее, что я слышала о Бэйне, – как он вымогал деньги у богачей.

Вот почему я так удивилась, обнаружив его у порога своего дома. Он искал моей дружбы, помощи и, что самое странное, выглядел слишком покорно.

Дело в том, что я объявила бойкот и вычеркнула парней из своей жизни. Навсегда.

Но Бэйн не просто парень. Он тот, из-за которого я таю, растворяясь в его сладкой лжи.

Джесси

Горячая как ад, холодная как лед.

Я не подозревал о ее существовании, пока мне не подвернулась крупная сделка.

Она – лишь часть моего замысла. Моя маленькая игрушка для развлечения.

Она – залог, средство достижения цели и награда за контракт с ее богатым отчимом.

Джесси Картер – крепкий орешек.

Но она еще не понимает, кто я такой на самом деле.

Содержание

Пролог	7
Бэйн	7
Джесси	11
Глава первая	16
Бэйн	16
Глава вторая	42
Бэйн	42
Глава третья	66
Джесси	66
Глава четвертая	96
Бэйн	96
Глава пятая	112
Джесси	112
Глава шестая	128
Бэйн	128
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Л. Дж. Шэн Мятежный

L.J. Shen
BANE

Copyright © 2018. BANE by L.J. Shen

© Борискина В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Тихуане Тернер и Эми Холтер

Спойлер: в этой сказке принцесса спасает себя сама.

Плейлист

«Can You Feel My Heart» – Bring Me the Horizon

«If You Can't Hang» – Sleeping with Sirens

«Time to Dance» – Panic! At the Disco

«Roadgame» – Kravinsky

«Iris» – Goo Goo Dolls

«Bite My Tongue» – Meet Me at Six

«My Own Summer» – Deftones

«Famous Last Words» – My Chemical Romance

«Hideaway» – Kyko

* * *

Говорят, что не существует двух одинаковых снежинок. Каждая из них прекрасна и завораживает своим собственным уникальным силуэтом. Они символизируют чистоту.

Но любой снежинке, которой посчастливилось достичь земли, суждено быть запятнанной грязью. Снежинки преподносят нам урок: если ты проживешь достаточно долго, то в конечном счете испачкаешься.

Но даже эти пятна не затмят твою красоту.

Пролог

Бэйн

Ранее

Лжец.

Мошенник.

Безбожный вор.

Моя репутация представляла собой огромную волну, которую я оседлал. Она поглотила все мое окружение, затопив любые попытки посягнуть на то, что принадлежит мне.

Я известен как торчок, но моим настоящим наркотиком стала власть. Деньги ничего не значили. Они осязаемы, следовательно, их можно легко потерять. Видите ли, для меня люди были игрой. И я всегда знал, как победить.

Передвинуть ладью.

Сменить ферзя при необходимости.

Охранять короля все это время.

Я никогда не отвлекался, не сдерживался и не завидовал.

Так вот представьте мое удивление, когда я обнаружил себя сразу в трех этих состояниях.

Сирена с угольно-черными волосами лишила меня возможности покорить самую большую волну, которую я видел тем летом. Лишила драгоценной внимательности и мое-

го чертова дыхания.

Она скользила по поверхности океана к пляжу, словно наступающие сумерки.

Я сел верхом на свою доску для серфинга и откровенно пялился на нее. Эди и Бек остановились рядом со мной, покачиваясь на досках.

– Это девушка Эмери Уоллеса, – предупредила Эди. *Вор.*

– И она самая горячая штучка в городе, – усмехнулся Бек.

Мошенник.

– Что важнее, она встречается только с богатыньками ублюдками.

Лжец.

У меня имелись все компоненты, чтобы ее заполучить.

Ее тело напоминало пятно свежего снега: белое, светлое, будто насквозь просвеченное солнечными лучами. Ее кожа бросила вызов природе, а задница бросила вызов моему здравому смыслу. Но именно слова на ее спине заставили мой мозг взбунтоваться.

Дело было не в изгибах ее тела или в том, как она покачивала бедрами, похожими на спелое яблоко, что вполне оправдывало мою реакцию на нее.

Мое внимание привлекла татуировка, которую я заметил, когда девушка проплыла мимо меня: слова, прямой стрелой плавно стекающие от самого затылка вниз.

Вся моя жизнь была залогом этой встречи с тобой.

Пушкин.

Я знал только одного человека, который был помешан на русском поэте, и, как и знаменитый Александр, он уже покоился в могиле.

Мои друзья начали грести к берегу. А я не мог пошевелиться. Казалось, что мои яйца стали на десять тонн тяжелее. Я не верил в любовь с первого взгляда. Страсть – возможно, но и это неподходящее слово. Нет. Эта девчонка чертовски *заинтриговала* меня.

– Как ее зовут? – я схватил Бека за лодыжку, притягивая обратно к себе.

Эди остановилась и оглянулась, ее взгляд метался между нами.

– Неважно, братишка.

– Как. Ее. Зовут? – повторил я, раздраженно сжав челюсть.

– Старик, она же слишком молода.

– Я не буду повторять трижды.

Бек нервно сглотнул. Он слишком хорошо знал, что я не шучу. Если она совершеннолетняя – я в деле.

– Джесси Картер.

Джесси Картер должна была стать моей еще до того, как узнала о моем существовании.

До того, как я узнал *ее*.

До того, как ее жизнь перевернулась с ног на голову и судьба девушки переписала себя ее же кровью.

Итак, вот правда, которую даже моя лживая задница не признала бы позже, в нашей истории – я хотел ее раньше.

Раньше, чем она стала частью бизнеса.

Раньше, чем правда заперла ее в клетке.

Раньше, чем тайны хлынули наружу.

В тот день я так и не серфил.

Моя доска сломалась.

Следовало догадаться, что это знак.

Мое сердце следующее на очереди.

И для маленькой цыпочки она проделала чертовски большую работу, уничтожив его.

Джесси

Ранее

Той ночью было полнолуние.

Это даже смешно, если не сказать безвкусно. Какое-то дурацкое клише, верно? Беременная, толстая, призрачно-белая луна торжествующе сверкала, освещая ночь, которая изрезала мою судьбу, мою личность, мой *жизнот* глубокими, блестящими ранами.

Я смотрела на нее, такую спокойную и безмятежную. Красивые вещи часто оказываются бесполезными.

Не стой же без дела. Позвони в полицию. Вызови «Скорую». Спаси меня.

Я задалась вопросом: умру ли я? Если да, то как скоро Пэм заметит мое отсутствие? Сколько времени потребуется Даррену, дабы убедить ее, что я всегда была проблемной? «Хорошей», – утешал бы он в своей шепелявой манере, – *но проблемной*. И как скоро она с ним согласится? Сколько пройдет времени до того, как батончик «КитКат» на отцовском надгробии растает под палящими лучами солнца?

«Какая жалость. Такой прекрасный ребенок», – скорбели бы они. Нет ничего лучше мертвого подростка для того, чтобы сплотить общество. Особенно в городке Тодос-Сантос, где трагедии случались только в газетах и на канале CNN. О да. Это бы подкинуло им почву для разговоров. Запретная

и восхитительная сказка о падении с пьедестала нынешней светской львицы.

Осознание медленно настигало меня. Эмери, Генри и Нолан не понесут даже легкого наказания. Общественные работы? В моих мечтах. Это для *меня* уже подготовлено публичное унижение в виде недовольных взглядов и отмененных приглашений на вечеринки загородного клуба в следующем году. Я была чужаком. Смертная идиотка, спутавшаяся с королевскими особами голубых кровей Тодос-Сантоса.

Я знала, что им все сойдет с рук. Они поступят в колледж и будут посещать вечеринки. Выпустятся и подбросят свои дурацкие шапочки в этот дурацкий воздух. Они женятся, родят детей, будут устраивать встречи с друзьями и каждый год вместе кататься на лыжах. И они будут жить. *Боже, они будут жить.* Мысль о том, что их происхождение и деньги позволят им избежать правосудия, сводила с ума. Потому что независимо от того, соскребут ли меня с этой дороги живой или же бездыханной, я уже знала, что мертва. Мертва во всех самых важных местах.

На одно мгновение я стала прежней Джесси и попыталась взглянуть на вещи с другой стороны. Для февраля погода была хорошей. Не слишком жарко, но и не холодно. Пустынный зной, прилипавший к моей плоти, разбавлялся прохладой асфальта подо мной. Многие жертвы насилия возвращались к привычной жизни. Я могла бы поступить в колледж за границей. Даррен мастерски умел вкладывать деньги в про-

блемы, заставляя их исчезать. Я смогла бы начать жизнь заново. Забыть о том, что это когда-либо происходило со мной. Разве сейчас не прибегают к гипнозу, чтобы забыть подобные вещи? Я могла бы спросить у Майры, психотерапевта, к которой меня отправили родители, когда начали сниться кошмары. Наука не имела границ. Наглядный пример: благодаря ботоксу моя сорокалетняя мама выглядела на двадцать три.

Мелкие острые камешки впивались мне в спину. Мой розовый кружевной лифчик и трусики валялись где-то рядом, и хотя нижняя часть моего тела онемела, я все же чувствовала, как что-то стекало по бедру. Кровь? Сперма? В тот момент это уже не имело значения.

С полной решимостью я посмотрела на созвездие, висевшее в чернильном небе, словно люстра, и насмежавшееся над моим печальным смертным существованием.

Мне нужно было попытаться встать. Позвать на помощь. Спасти себя. Но перспектива потерпеть неудачу в попытке подняться парализовывала сильнее, чем физическая боль. Мои ноги замерзли, низ живота горел.

Вдалеке завывали сирены.

Я зажмурилась. Часто в такие моменты я видела папу, его лицо будто навсегда отпечаталось на обратной стороне моих век. Там он и жил сейчас. В моих снах. Его образ был гораздо отчетливее той женщины, что он оставил рядом со мной. В моей истории Пэм всегда уходила на второй план, предпо-

читая заниматься написанием собственного сюжета.

Звук сирен приближался. Еще громче. Мое сердце упало куда-то в район желудка, свернувшись там клубочком, словно побитый щенок.

Еще несколько минут, и ты станешь частью сплетен. Поучительной историей.

Прежняя Джесси уже бы заплакала. Она бы кричала и рассказала бы все полицейским. Вела бы себя нормально, учитывая абсолютно ненормальные обстоятельства. Прежняя Джесси решила бы отомстить и поступила бы правильно. В духе феминисток. Она бы не позволила обидчикам уйти безнаказанными.

Прежняя Джесси *чувствовала* хотя бы что-нибудь.

Машина «Скорой помощи» с визгом затормозила на обочине, достаточно близко, чтобы запах горелой резины покрышек достиг моих ноздрей. Почему-то осознание того, что парни позвали на помощь, еще больше приводило в ярость, чем мысль о том, что они бросили меня умирать, будто виновники знали, что останутся неприкосновенными, даже после того, что сделали со мной. Ко мне подкатили носилки. Я повторила последние слова, которые услышала перед тем, как они бросили меня в переулке, одинокая слезинка скатилась по щеке.

Вся моя жизнь была залогом этой встречи с тобой.

«И какая же прекрасная вышла встреча, шлюха. Ты хорошо держалась», – произнес Нолан и пнул меня в бок.

Я набила эту фразу, думая, что Эмери предназначен мне судьбой. Теперь тату обжигало заднюю часть шеи. Мне хотелось оторвать ее вместе с кожей и бросить рядом с испорченной одеждой.

Преодолевая боль, я сдвинула левую руку, чтобы прикрыть грудь, а правой потянулась к голому животу, скрывая то, что они вырезали на моей коже, будто я была тыквой на Хеллоуин. Они заставили меня смотреть. Держали мою челюсть своими чистыми, гладкими руками, в то время как моя шея неестественно изгибалась, приспособливаясь к неудобному положению. Наказание за мой постыдный грех.

Слово на моей коже сияло, как неоновый билборд, позволяя всему миру увидеть, осудить и высмеять; буквы кровоточили, оставляя пятна на розовой дизайнерской юбке.

Шлюха

Прежняя Джесси принялась бы объяснять, спорить.

Прежняя Джесси попыталась бы сохранить репутацию.

Прежняя Джесси была мертва.

Глава первая

Бэйн

Сейчас

Похоже, что к концу дня мне уже было абсолютно наплевать. На людей и на вечное соревнование в популярности, которым так увлекались богачи, не имеющие обычных проблем с оплатой счетов и потребностью вести себя по-взрослому.

Я – пляжный тусовщик, курильщик, наркоман и наркодилер с условным сроком. Я не был «мистером Популярность», но внушал людям достаточно страха, чтобы они не вставали на моем пути. Стать мошенником никогда не было моим сознательным выбором. Моя мама небогата, а отец даже не появлялся на горизонте. Так что мне пришлось делать то, что пришлось, дабы выжить в самом богатом городе Калифорнии, и иметь чуть больше, чем обычное кабельное телевидение и замороженные продукты на обед.

В пятнадцать лет я втянулся в профессиональный серфинг. Что тоже стоило немалых денег. Серфинг – единственное, что меня заботило, помимо мамы. К остальному я был в большей степени безразличен. Так я и пришел к торговле наркотиками. Это гораздо проще, чем вы думаете. Поку-

паешь одноразовые телефоны в магазине «Волмарт». Один для поставщиков, а второй для клиентов. Часто меняешь их. Никогда не продаешь незнакомым людям. Никогда не говоришь обо всем этом дерьме. Остаешься милым и позитивным. Благодаря этому я оплачивал занятия серфингом и учебу в старшей школе, изредка прибегая к карманным кражам, когда мне требовалась новая доска для серфинга. К сожалению, я их часто ломал.

Так и жил до момента, пока не получил условный срок, после чего понял, что вся эта тюремная тема не для меня и пора расширять границы бизнеса. С того времени прошло уже около пяти лет, но я никогда бы не подумал, что буду сидеть здесь, перед самым грозным чуваком Тодос-Сантоса, и вести с ним... ну, *бизнес*. К тому же законный бизнес.

– Насчет твоего прозвища, – Барон Спенсер, более известный как Вишес среди тех, кому не посчастливилось знать его, ухмыльнулся. Он разлил «Макаллан»¹ по двум стаканам, глядя на янтарную жидкость с той степенью обожания, которую обычно приберегают для детей.

Я проделал весь этот путь от Тодос-Сантоса до Лос-Анджелеса, чтобы встретиться со Спенсером в его офисе. Что фактически не имело никакого смысла. Мы жили в десяти минутах ходьбы друг от друга. Но если я что-либо и узнал о богатых засранцах, так это то, что они просто обожали *спектакли*. В лучшем виде. И раз это был не визит вежливости,

¹ Элитная марка шотландского односолодового виски из региона Хайленд.

значит, встреча должна была состояться в рабочей обстановке, где я мог оценить, насколько огромен его офис, насколько сексуальна его секретарша и насколько дорогим был его виски.

По правде говоря, мне плевать, даже если бы мы встретились на Марсе, если в итоге я получу то, ради чего сюда приехал. Я скрестил ноги под столом, ударив ботинками друг о друга, и проигнорировал напиток, который Вишес подтолкнул по полированной поверхности стола в мою сторону. Я предпочитал водку. И еще предпочитал не напиваться, перед тем как сесть на свой «Харлей». В отличие от мистера Спенсера у меня не было личного водителя, который мог бы возить меня повсюду, будто я безногое ничтожество. Но обо всем по порядку. Он задал вопрос.

– Мое прозвище? – я задумчиво погладил бороду.

Он коротко кивнул, всем своим видом говоря: *«не-шутки-со-мной»*.

– «Бэйн» ужасно похоже на «Вишес», согласен?²

Нет, не согласен, придурок.

– Это ведь ты придумал игру «Вызов»? – Я откинулся на стуле назад, оторвав его передние ножки от пола, и громко жевал свою жвачку с корицей. Наверное, мне стоит объяснить: «Вызов» был старой традицией старшей Школы Всех Святых, по которой студенты могли вызывать друг друга на

² «Banе» в переводе с английского – «погибель», «проклятие», «яд», «изгнание».

рукопашный бой. Эту хрень изобрели Беспутные Хулиганы, четверо подростков, которые управляли школой, будто она принадлежала их родителям. Ирония в том, что отчасти так и есть. Предки Барона Спенсера отстроили половину города, в том числе и здание старшей школы, а мать Джейми Фоллоувилла еще шесть лет назад была ее директором.

Вишес склонил голову, рассматривая меня. Ухмылка этого уroda была из тех, что заставляла женщин стонать его имя, даже когда он находился на другом континенте. Сам он был счастлив в браке с Эмилией ЛеБлан-Спенсер и точно недоступен для других. Жаль, что от этой парочки так и веяло атмосферой счастья и любви. Замужние женщины – мой любимый тип. Они никогда не просили ничего больше, чем грязный трах.

– Верно.

– Что ж, ты получил имя Вишес за то, что начал игру. А меня прозвали Бэйном, потому что я ее закончил. – Я достал из кармана сигарету и подумал, что Вишес курит в своем офисе, потому что из его кабинета можно было напрямую попасть в открытый внутренний дворик и на столе находилось больше пепельниц, чем ручек. Не нужно быть Шерлоком, чтобы это понять, все очевидно.

Я рассказал Спенсеру, как меня впервые вызвали на бой на первом году обучения. Как я не знал правил, потому что был слишком занят, пытаюсь придумать, где достать деньги, дабы оплатить учебу, поэтому не вникал во все нюансы тра-

дий Школы Всех Святых. Рассказал, как я разбил поднос с обедом об голову парня, который ударил меня в лицо. Как он получил сотрясение мозга и с тех пор к нему привязалось прозвище – Губка Боб Плоская Голова. Спустя две недели он устроил мне засаду возле школы, в компании шести спортсменов из старших классов, вооруженных битами. В красках описал, как я выбил из них все дерьмо и вдобавок сломал их биты. А затем я поведал Барону, в какие проблемы мы из-за этого вляпались, когда неженки начали ныть, что я слишком сильно их бил и не следовал правилам. Прозвище Бэйн прилипло ко мне, потому что директор, миссис Фоллоувилл, случайно включила локтем громкоговоритель, когда обсуждала со школьным консультантом мое поведение и заявила, что я «отравлял ее существование».

Директор Фоллоувилл использовала возможность уничтожить традицию, которую ее сын Джейми помог создать.

Не улучшало ситуацию и то, что за месяц до инцидента в кафетерии в одной из частных школ Вашингтона устроили резню, так называемую «Колумбайн 2.0»³. Тогда все боялись богатых детишек. Но после инцидента, должен признать, что гораздо больше все боялись *меня*.

Может, я и нравился людям, но у них были веские причины держаться от меня подальше.

Они дали мне прозвище, и я стал им, жил и дышал им.

³ Отсылка к массовому убийству в старшей школе «Колумбайн» (округ Джефферсон, штат Колорадо) в апреле 1999 года.

Я – выродок-иммигрант из России, проживающий в одном из самых богатых городов США. У меня все равно никогда не было шанса вписаться в местное общество. Так что же плохого в том, чтобы выделиться?

Вишес сидел расслабленно в своем кожаном кресле, его улыбка даже не дрогнула. Его не волновало, что я уничтожил «Вызов». Сомневаюсь, что этого мужчину вообще хотя бы что-то заботило. Барон богаче бога, женат на одной из самых красивых женщин нашего штата, к тому же он еще и любящий отец. Преодолев все препятствия на своем пути, он выиграл битву, войну. Он чувствовал себя расслабленно, ему больше не нужно было ничего доказывать.

Он был сыт, а я голоден. А голод опасен.

– Хорошо, *Бэйн*. Так зачем ты здесь?

– Мне нужны твои инвестиции, – сказал я, затаился сигаретой и протянул ее Вишесу. Едва заметно он отрицательно качнул головой, но его ухмылка стала на дюйм шире, превратившись в покровительственную улыбку.

– Полегче, парень. Мы с тобой не друзья. Едва знакомые. Длинными белыми струйками я выпустил дым через нос.

– Ты, наверное, слышал, что на окраине пляжа Тобаго сносят здание старого отеля. Территория будет отдана под коммерческое использование, основная идея – открыть там торговый центр. В конце года состоится аукцион. Все неместные компании, планирующие принять участие в торгах, не знают, с чем имеют дело. Им незнакомы ни социальная структура

Тодос-Сантоса, ни местные подрядчики. Зато они знакомы мне. Я предлагаю тебе двадцать пять процентов акций в обмен на шестимиллионные инвестиции в строительство серф-парка, который будет включать в себя школу и магазины для серферов, фуд-корт-площадки и нескольких торговых точек с туристической ерундой. Расходы на приобретение земли и ее подготовку возьму на себя, так что считай это моим первым и последним предложением.

Я понимал, что, заключив эту сделку, потеряю много денег, но мне было необходимо включить имя Вишеса в свое предложение. Присутствие в заявке фамилии Спенсер делает ее более привлекательной в глазах округа. Как вы, наверное, уже поняли, моя собственная репутация была далека от идеала.

– У меня уже есть торговый центр в Тодос-Сантосе. – Вишес опустошил свой стакан и ударил им по столу, всматриваясь в пейзажи Лос-Анджелеса через открытые окна внутреннего двора. – Если быть точнее, единственный торговый центр в Тодос-Сантосе. Так зачем же мне помогать строить еще один?

– У тебя элитный торговый центр. Бутики с «Прада», «Армани», «Шанель» и им подобные. Тот вид дерьма, который не могут себе позволить подростки и туристы. Я же построю парк для серферов. Это все равно что сравнивать небо и землю.

– Но магазины там тоже будут.

– Да, с товаром для серфинга. Пляжные магазины. Мы не станем конкурентами.

Вишес наполнил себе еще один стакан, его взгляд сосредоточился на жидкости.

– Каждый живой человек – мой конкурент. И твой тоже. Никогда не забывай об этом.

Я выпустил дым изо рта, позволив ему устремиться вверх, и попробовал другую тактику:

– Ладно. Допустим, серф-парк влезет в твой бизнес. Но если не можешь одолеть, лучше присоединись, верно?

– Кто сказал, что я тебя не одолею? – Вишес скрестил ноги, закинув их на стол. Я уставился на его чистые подошвы. Он понятия не имел, с кем связался. Конечно, он знал *обо мне*. На данном этапе было сложно не знать. В свои двадцать пять лет я владел самой успешной кофейней Тодос-Сантоса – «Кафе Дьем». Недавно я приобрел гостиницу на окраине города. И сейчас превращал ее в бутик-отель. Вдобавок к этому с каждого магазина и ларька на набережной я собирал деньги за «крышу» и делил их пополам со своим другом, Хейлом Рурком. Звучит так, будто я купался в роскоши, но на самом деле тратил я гораздо больше, чем зарабатывал, и во всех отношениях оставался все тем же нищим выродком. Только теперь с моим именем связано больше проблем, которые требовали внимания.

Я приходил к власти медленно, постепенно и неудержимо. Мама росла в обеспеченной семье, но щедрости ее предков

хватило лишь на то, чтобы отправить нас в США, когда я был совсем маленьким, и бросить на произвол судьбы. Каждый мой заработанный цент был так или иначе связан с продажей наркотиков, вымогательством и сексом с женщинами за деньги. Иногда с мужчинами, если становилось совсем туго с финансами. Все попытки добиться успеха в этой игре сводились к череде незаконных делишек и сексуальных услуг. Моя репутация не могла остаться безупречно чистой, что в целом меня устраивало. Я не собирался баллотироваться в мэры.

– Должен признать, мистер Проценко, я склоняюсь к ответу «нет».

– Могу я узнать почему?

– Твоя репутация тебя опережает.

– Просвети же, о чем именно она говорит.

Он спустил ноги со стола и наклонился вперед, задумчиво склонив голову набок.

– Ты мошенник, не заслуживающий доверия, и чертов вор.

И не поспоришь. Я готов был подписаться под каждым пунктом.

– Исходя из этого, ты вполне можешь использовать парк для отмывания денег, – он раздраженно сжал челюсть. Я не собирался так поступать, но мужик определенно соображал.

– Не-а, слишком рискованно. Отмывание денег – это искусство. – Я выпустил еще один клубок дыма.

– А еще это федеральное преступление.

– Можно задать вопрос? – Я стряхнул пепел в предложенный им стакан виски, выражая свое отношение к его напитку за шестьдесят тысяч долларов. Вишес насмешливо вскинул бровь, ожидая продолжение. – Зачем ты пригласил меня, если заранее знал, что откажешь? Я один из главных претендентов на покупку земли. Это общеизвестный факт. Ты понимал, что я приду не для того, чтобы восхищаться твоими прекрасными глазами.

Вишес постучал указательным пальцем по подбородку и слегка выпятил нижнюю губу.

– А что не так с моими глазами?

– Для начала, они принадлежат тому, у кого нет вагины и сисек.

– Если верить слухам, ты не ограничиваешь себя одним полом. В любом случае я хотел посмотреть своими глазами.

– Посмотреть на что? – Я проигнорировал его насмешку. Гомофобия не заслуживает внимания. К тому же он просто пытался вывести меня из себя. В моей жизни это было не первое и далеко не последнее родео с напыщенным придурком. И я всегда выходил победителем.

– На то, как выглядит мой последователь.

– Твой последователь? Я очень польщен, смущен, а еще оглушен от звона внутреннего радара, реагирующего на откровенный бред, – я ухмыльнулся, почесав лицо средним пальцем.

Мы были полными противоположностями. Отродье среднего класса из неполноценной семьи сидел напротив наследника целого состояния. На голове у меня был собран пучок белокурых волос, на теле достаточно татуировок, чтобы покрыть большую часть Северной Америки, а сегодняшней гардероб состоял из обычной рубашки, черных штанов и грязных ботинок. Барон же был завернут с головы до ног в Brioni, с черными гладкими волосами и фарфоровой белой кожей. Он выглядел как сочный стейк из ресторана со звездой Мишлен, а я символизировал собой жирный чизбургер из придорожной забегаловки. Но меня это ничуть не волновало. Я любил чизбургеры. Большинство людей предпочли бы двойной чизбургер из «МакГризи» маленькому кусочку стейка.

Вишес вытянулся в своем кресле.

– Ты же понимаешь, что, находясь в здравом уме, я не могу помочь тебе со строительством торгового центра в Тодос-Сантосе, пусть даже со специализацией на серфинге? Ты отгрызешь кусок моего бизнеса. – Он проигнорировал мой вопрос, и мне это не понравилось. Я кинул окурок сигареты в стакан с виски и встал.

Вишес посмотрел на меня. Спокойно, открыто и абсолютно безразлично.

– Но это не значит, что я не болею за тебя, Бэйн. Просто не собираюсь предоставлять тебе оружие для битвы, в которую ты намерен вступить. Потому что в этом сражении у меня

тоже будет армия. Кто бы ни открыл торговый центр, он откусит часть моей прибыли, а когда кто-то вгрызается в мой бизнес, я пожираю то, что принадлежит ему.

Я почесал бороду, обдумывая его слова. Естественно, Вишесу и ему подобным плевать на меня. Он давно достиг вершины. Я же только в процессе восхождения. Раздавить меня – естественный инстинкт выживания.

Спенсер посмотрел вниз, написав что-то в золотом блокноте с логотипом его компании, «Чемпион-Бизнес Холдингс».

– Но есть тот, кто мог бы тебе помочь. Уже много лет он пытается укрепить свое положение в Тодос-Сантосе. Ему необходима репутация, и он в отчаянии. Может, у него и нет авторитета на улицах, зато есть чистое имя и деньги. – Он пододвинул листок по черно-золотой поверхности стола, и я дотянулся до него татуированными мозолистыми пальцами.

Номер телефона сопровождала надпись: «*Даррен Моргансен*».

– Нефтяные деньги. – Вишес поправил галстук, надетый поверх классической рубашки. – Что важнее – он точно выслушает тебя, в отличие от подавляющего большинства бизнесменов этого города.

Он был прав, и это раздражало.

– Зачем ты помогаешь мне? – спросил я. Мне нравился Барон Спенсер. Когда я решил участвовать в торгах, в первую очередь подумал именно о нем в качестве биз-

нес-партнера. Я знал много других богатых и влиятельных людей в этом городе, но никто не был так же безжалостен, как он.

– Я лишь даю тебе фору. Так ситуация станет интереснее, к тому же мне нравится элемент неожиданности, – сказал он, прокручивая обручальное кольцо на пальце. – Открой этот серф-парк, Бэйн. Рискни. Было бы круто наконец-то встретить достойного соперника.

Прежде чем покинуть здание компании, я решил, что обязан сходить в их туалет и засунуть несколько модных фирменных ручек с логотипом «ЧБХ» в свой карман, просто по приколу. О, и, возможно, трахнуть его секретаршу, Сью. Она прислала мне по электронной почте контакты всех поставщиков, работающих с торговым центром ее босса. Они пригодятся, когда я открою серф-парк. Тот самый, который поможет мне выбраться из дерьма и оплатить долги матери.

Барон Спенсер думал, что объявляет мне войну.

Ему еще только предстояло узнать, что я и есть *война*.

* * *

С Дарреном Моргансеном я встретился в тот же вечер.

Первый признак того, что он не отличался терпением? Он пригласил меня в свой дом. Как я уже говорил, бизнес-магнаты редко назначают встречи на территории своих частных владений. Моргансен полностью проигнорировал этап

со спектаклем. По телефону он сказал, что взволнован возможностью познакомиться с такой ключевой фигурой, как я, и это почти заставило меня отказаться от встречи. Это мне следовало угодать желаниям его эго, а не наоборот. Но я готов закрыть глаза на эту странную динамику, если это поможет создать самый большой в мире серф-парк и превратить Тодос-Сантос в следующий Хантингтон-Бич.

Главным образом открытие парка давало мне возможность стать таким же богатым, как и те, кто смотрел на меня словно на мусор, и я был рад ею воспользоваться. Не буду врать – я не ожидал, что смогу продвинуться так далеко в своем плане с покупкой земли. Меня все еще немного удивляло, что люди действительно прислушивались к моим словам.

Моргансен жил в Эльдorado, охраняемом районе на холмах Тодос-Сантоса с видом на океан. По соседству с ним обитали самые богатые семьи города: Спенсеры, Коулы, Фоллоувиллы, Уоллесы. Те, кто унаследовал такое количество денег, которое невозможно заработать за всю жизнь.

Дом Моргансена представлял собой особняк в колониальном стиле, расположенный на склоне горы. Ничто так не вдохновляет на прыжок со скалы, как жизнь на ней. На его территории был сад, небольшой пруд и фонтан с настоящими лебедями и ненастоящими ангелами, пускающими водяные стрелы; хаммам и сауна рядом с бассейном в форме почки и куча другого дерьма, которым, готов поспорить на что угод-

но, никто никогда не пользовался. По обе стороны от входа выстроились огромные растения. Этот идиот, вероятно, ежемесячно платил за обслуживание сада столько, сколько я единожды выложил при покупке своей яхты.

Моргансен встретил меня у ворот, и я сделал вид, что не владею электронным ключом, способным открыть их. Затем он провел меня по особняку, как будто я претендовал на покупку этого места. Мы прогулялись по лужайке перед входом, по заднему двору и по двум кухням на первом этаже. Потом мы поднялись по винтовой лестнице на второй этаж.

– Позволь мне показать тебе швой домашний офиш, – он шепелявил. Я с облегчением выдохнул. Наконец-то мы начали двигаться в нужном направлении.

Мы прошли мимо закрытой комнаты, и он остановился, неуверенно постучав по деревянной двери и прижавшись к ней лбом.

– Милая? – прошептал он. Даррен был долговязым и сутулился, как забитый подросток. Вся его внешность – сплошная посредственность. Карие глаза, похожие на глаза лемура, нос с горбинкой, тонкие поджатые губы, темные волосы с проседью и безвкусный костюм, придающий ему вид несчастного мальчика, достигшего возраста бар-мицвы⁴. Он производил впечатление второстепенного персонажа в чьей-то истории. Мне даже было его почти жаль. Таковую врожден-

⁴ Так называют еврейских мальчиков, достигших 13 лет, возраста религиозного совершеннолетия.

ную непримечательность не могли исправить никакие деньги.

По ту сторону двери ответа не последовало.

– Дорогая, я буду в своем кабинете. Дай жнуть, ешли тебе что-нибудь потребуеша. Или... или скажи Ханне.

Срочные новости: у богатого парня есть избалованная дочь.

– Ладно. Идем. – Он остановился, прислушавшись к тишине за дверью. – Прямо по коридору...

Моргансен – необычный экземпляр в клубе миллиардеров. Его покорный и сокрушенный вид побуждал моего внутреннего кровожадного бульдога разорвать его, как пишущую игрушку. Мы вошли в кабинет, за нами со скрипом закрылась дверь. Даррен откинул назад волосы, вытер ладони о штаны и нервно засмеялся, когда спросил, что я хочу выпить. Я выбрал водку. Он нажал кнопку на дубовой столешнице и опустился в кашемировое кресло.

– Ханна, принеси водку.

Я всерьез начинал гадать, зачем Барон Спенсер дал мне номер этого клоуна. Возможно, это какой-то розыгрыш. Может, этот чувак и богат – поправочка, он буквально купался в деньгах и в доказательство имел дом размером с гавань, – но при этом он выглядел как чертова катастрофа. Сомневаюсь, что такой трус, как он, согласится выложить шесть миллионов в обмен на двадцать пять процентов акций абсолютно незнакомому человеку с сомнительной репутацией. Я устро-

ился поудобнее в кресле, стараясь об этом не думать. Даррен следил за моими движениями. Я знал, на что он смотрит, и понимал, как я выгляжу.

Люди часто спрашивали меня: «*Почему?*» Почему я упорно стремился выглядеть так, будто собирался на прослушивание для сериала «Сыны анархии»⁵, с татуировками, покрывающими бóльшую часть моего тела? Почему носил пучок на голове? Зачем мне борода? Какого черта выглядел как пляжный бездельник, в штанах, все еще заляпанных воском для серфинга? Честно говоря, я не видел смысла стараться выглядеть как они. Я не был *ими*. Я был *собой*. Я – изгой, без родословной, причудливой фамилии или исторического наследия.

Внешний вид как у ночного кошмара любого папаши – мой способ сказать, что я не участвую в их крысиных бегах.

– Ты довольно ижвештен в Тодош-Шантоше. – Моргансен теребил края своего толстого ежедневника. Не уверен, имел ли он в виду мою профессиональную репутацию или же личную. По городу ходили слухи, что я приобрел «Кафе Дьем» и старый отель, чтобы как-то прикрыть свою прибыль от «крышевания»⁶, отчасти это было правдой. Когда-то я трахал каждую цыпочку, что попадалась мне на глаза, иногда соглашался на минет от парней, когда был пьян или жаждал

⁵ Американский телевизионный сериал в жанре криминальной драмы.

⁶ Обеспечение незаконного прикрытия для спокойного существования и защиты от возможной опасности (*жарг.*).

приключений, затем перешел к оплачиваемым отношениям с теми, кто мог хотя бы на дюйм приблизить меня к полному господству над развлекательной индустрией в Тодос-Сантосе. Я развлекал сорокалетних жен бизнесменов, стоявших на моем пути, просто чтобы позлить их, и играл роль спутника даже для более старых женщин, если знал, что они могли вложить деньги в меня и мой бренд. Я был мальчиком по вызову, поэтому люди не считали меня надежным или достойным доверия.

– Приму за комплимент, – сказал я, когда домоправительница Даррена открыла дверь и вошла с подносом, двумя стаканами и бутылкой водки «Вотерфорд». Не проронив ни слова и склонив голову, она наполнила мне стакан, а затем налила виски Даррену, взяв его из бара позади мужчины.

– П-прошу, – заикнулся Даррен. – Я давно хотел пообщаться с тобой. Моя шемья переехала в этот город четыре года назад.

Будто я этого не знал. Тодос-Сантос славился своими сливками общества: угрюмый городок ставил происхождение выше морали и репутации. Когда в городе появлялся кто-то новый, все об этом знали. Когда кто-то покидал его, люди тут же начинали сплетничать, гадая, какие скелеты в шкафу он увез с собой. Каким-то образом Моргансенам до сих пор удавалось не попадать под этот общественный радар. Что не было хорошим признаком. Значит, им не удалось наладить прочные связи в городе, несмотря на нефтяной биз-

нес, что казалось подозрительным.

– И как вам здесь? – я щелкнул пузырем из жвачки, оглядываясь от скуки.

– Ну... интересно. И очень иерархично.

Я схватил свой напиток, опрокинул его одним глотком и вернул стакан обратно на поднос на глазах у потрясенного Моргансена.

– Отлично. Может, перейдем к делу?

Даррен снова поморщился.

Он жестом предложил мне начать. И я приступил.

Я рассказал ему о перспективах. О куске пляжа, на котором будет располагаться фантастический парк «Серф-Сити». Затем рассказал про свой план и показал чертежи, которые сделал для меня один из лучших архитекторов Лос-Анджелеса. Я представил Даррену свое видение этого места и добавил немного статистики по постоянно растущему количеству подростков в Тодос-Сантосе – богачи любили рожать детей, а дети в Южной Калифорнии, как правило, увлекались либо скейтбордингом, либо серфингом. К тому же мы находились недалеко от Хантингтон-Бич, Сан-Клементе и Сан-Диего и могли переманить оттуда заядлых серферов. Не говоря уже о количестве профессиональных соревнований, которые можно будет проводить в Тодос-Сантосе. Я объяснил, что мне необходимо добавить в бумаги чье-то чистое, доброе имя, чтобы к моему предложению отнеслись всерьез, и что ему не нужно будет ничего делать, а просто на-

блюдать за тем, как будет расти его прибыль. Я воздержался и не стал упоминать, что если мы превзойдем Барона Спенсера с его элитным торговым центром, это поднимет нас до уровня богов. Это правда, вот только Моргансен производил впечатление того, кто тут же обделается от одной только перспективы разозлить кого-то. И особенно Барона «Вишеса» Спенсера.

Я разнюхал немного, прежде чем позвонить Даррену. Его дедушка приобрел нефтяные месторождения в Кувейте задолго до того, как это сделали остальные крутые ребята. Моргансен же едва справлялся с семейным бизнесом. Он, черт возьми, совсем не соображал, что делает. У него была жена, падчерица и хренова уйма усатых мужиков, указывающих ему, что делать.

– О какой шумме речь? – спросил он.

– Шесть миллионов, – ответил я, даже не моргнув.

Он потер шею. На секунду мне показалось, что он вышвырнет меня ко всем чертям и вдогонку бросит что-нибудь острое. Но он этого не сделал. Даррен огляделся. Почесал лицо. Опрокинул свой охренительно дорогой виски с видом чемпиона и поморщился, потом – и только потом – встретился со мной взглядом, в его глазах сияло поражение.

– Хорошо.

– Хорошо? – тупо повторил я. И это все? *Хорошо?* Не знаю, под чем этот парень, но я бы хотел торговать такой дурью.

– Хорошо, я готов вложить деньги. Могу дать три миллиона вперед.

– Мне не нужен аванс. Пока нет никаких гарантий, что я заполучу землю, – выплюнул я. Инстинкты говорили мне, что здесь какой-то подвох, но Даррен выглядел безобидно, словно долбаный телепузик. Чувак не мог играть в твистер, оставив за бортом кого-то вроде меня.

– Ты ее получишь, как только они увидят мое имя в документах. В любом случае считай это жештом доброй воли. Мне не нужны твои акции.

– Ты сейчас под чем-то? Просто мы не можем вести бизнес, если ты наркоман. Не имею ничего против легкой дури, но если ты принимаешь что-то тяжелое, мне стоит об этом знать. – Я почесал щеку краем своей сигареты, весело приподняв бровь.

Он попытался изобразить усмешку, но я видел больше эмоций на мордах долбанных козлов.

– Мне не нужны твои акции. Дело не в деньгах. У меня их доштаточно. От тебя мне нужно кое-что другое. Как я уже говорил ранее, я слышал о тебе, Бэйн. Я жнаю, кто ты и что ты делаешь. Я не хочу, чтобы ты делал меня богаче. Мне нужно, чтобы ты помог моей дочери.

Кто ты.

Что ты делаешь.

Черт побери, папаша Даррен хотел, чтобы я трахнул его дочурку.

Первый вопрос, который напрашивался в моей голове: насколько же уродлива его дочь? Как Квазимодо? С тем количеством денег и ресурсов, что есть у этой цыпочки, готов предположить, ее внешность дотягивает хотя бы до уровня милой. Не чертовски горячей, но определенно сгодится, чтобы кто-нибудь затащил ее в постель. *Кто угодно*. К счастью, мне двадцать пять и в этом возрасте ты находишь пригодным для секса практически все, даже точилку для карандашей. Если он хочет, чтобы я уложил его дочку за шесть миллионов долларов, я заставлю адвоката подготовить все гребаные документы сегодня же, и к утру она будет так основательно оттрахана, что в ней появится несколько новых дырок, а разум останется затуманен после оргазма еще несколько дней. Для верности я даже добавлю оральные ласки и объятия после секса, потому что было бы неправильно оставить ее без дополнительного бонуса за такие деньги.

– Отлично, – отмахнулся я от него. – Обычно я заключаю контракт на шесть месяцев, без условия исключительности. Дважды в неделю. Наличие презерватива не обсуждается, и я хочу, чтобы она проверилась, прежде чем я к ней прикоснусь.

Мне уже говорили, что я привлекательный сукин сын, и я никогда не знал наверняка, когда потребуется вонзить в кого-то свой член в качестве одолжения или ради своих целей. Как бы то ни было, я перестал брать новых клиентов. Как только мои счета были оплачены, а мама начала полу-

чать должный уход, деньги перестали меня мотивировать. Но еще никто не оценивал мой член в такую огромную сумму. Папочка Моргансен абсолютно точно знал, как побаловать свою дочь.

Даррен покачал головой, паника исказила его лицо.

– Подожди, что? О боже. Нет. Нет. Нет, нет, нет, – он отчаянно замахал руками, закашляв. Я выпрямился в своем кресле, не понимая, как этот парень еще не умер от сердечного приступа. – Я не это имел в виду. Я не хочу, чтобы ты шней шпал. На шамом деле я бы хотел добавить пункт, по которому ты обещаешь ее не трогать. Я хочу тебя нанять и чтобы ты делал то, жа что тебе платят, ни больше ни меньше. У Джешши почти нет друзей. Она через многое прошла, и ей прошто нужен кто-то. Товарищ. Мне нужно, чтобы ты помог ей вернуть уверенность в себе и жавешти парочку друзей. Найми ее для работы в швоем кафе, чтобы у нее появилша повод выходить иж дома каждый день. Отношения будут ишключительно платоническими. Джешши неприкашаема. Она *не позволяет* людям дотрагиватьша до шебя.

Джесси. Ну конечно, у его падчерицы имя, которое он даже не может правильно произнести. Бедняга.

Что не так с этой Джесси? Она даже не потрудилась ответить отчиму, хотя явно находилась в комнате. К сожалению, пока она казалась избалованной принцессой, но я все равно собирался согласиться на эту работу, даже если придется слушать ее разговоры о шопинге с мамочкой, пока у меня

не завянут уши. Несколько сотен тысяч долларов того стоили. На кону стояло такое количество денег и выгодное вложение, что Джесси определенно привлекла мое внимание. И в какой-то степени мою симпатию тоже.

– Что еще я должен буду делать? – спросил я, поглаживая бороду.

– Ее терапевт говорит, что ей нужна работа. Любая работа. Найми ее. Шмеша ее. Ухаживай за ней. Только не прикашайша. – Его дрожащие пальцы снова танцевали на краях ежедневника. – Вдохни в нее жизнь.

– Она... – я не знал, как сформулировать вопрос так, чтобы не выглядеть неполиткорректным придурком. *Отста-лая? Имеет какие-то отклонения?* Не то чтобы это было важно, но мне необходимо знать, с чем я имею дело. Даррен заерзал в своем кресле.

– Она очень светлый ребенок. Прощто ее нужно немного подтолкнуть навстречу обществу.

– Почему?

– Почему? – повторил он, быстро моргая, будто этот вопрос никогда раньше не приходил ему в голову. Даррен подергивал челюстью и сжал пальцами переносицу. Он был на грани слез. Чувак выглядел собранным не больше, чем обкуранный подросток на Коачелле⁷. Очевидно, что ему требовалась пересадка позвоночника, и за хорошие деньги я бы

⁷ Трехдневный фестиваль музыки и искусств, проводимый компанией Goldenvoice в долине Коачелла, Индио, штат Калифорния.

даже предложил себя в качестве донора. Если ему действительно нужна помощь с дочерью, я собирался ее предоставить. И даже не буду чувствовать себя козлом, ведь мне всего лишь нужно сводить ее в кино или еще куда-нибудь. От меня не требовалось засовывать в нее свой член и шептать на ухо признания в любви.

– Я рашшкажу тебе почему, но сначала ты подпишешь соглашение о неражглашении.

У богачей обычно самые безумные истории. Наверняка она увлекалась зоофилией или каким-нибудь подобным дерьмом. Деньги заставляют скучать, а скука превращает тебя в придурка.

– За свою жизнь я подписал столько подобных соглашений, что теперь не обсуждаю ни с кем ничего, кроме погоды. – Я откинулся на спинку стула, почувствовав внезапное предвкушение от сделки с этим парнем.

Он пронзил меня взглядом, полным надежды. Он любит ее. Меня всегда смущала любовь. Такое неприятное чувство. Люди совершают много глупостей во имя любви.

– Ладно. Ладно. Так... мы договорились? – спросил он, жадно глотая воздух. Я огляделся, впервые обращая внимание на обстановку кабинета. Традиционная. Стеллажи от пола до потолка, изготовленные из темного дуба и заставленные толстыми, нетронутыми книгами. Персидский ковер и кресла цвета верблюжьей шерсти. Бар выглядел единственным регулярно используемым местом, с тусклыми, полупу-

стыми бутылками, испещренными отпечатками пальцев. Все остальное было для показа. Этот мужчина заблудился, и мне посчастливилось его найти.

Все равно что забрать конфетку у ребенка.

– Согласен на шесть месяцев, и я хочу знать ее историю.

Моргансен наполнил себе еще один бокал виски, устоял в него, словно в бездну, опустошил его разом, как перед смертью, и позволил стакану свободно скользить между пальцами, прежде чем уронил его на ковер.

– Хочешь жнать ее ишторию?

Я дернул плечом. Я никогда не повторял свои слова и не собирался начинать из-за этого придурка.

Когда первые слова слетели с его губ, мои пальцы сжали подлокотники кресла.

Когда первые предложения вонзились в мой мозг, у меня пересохло в глотке.

И после полуторачасового рассказа на языке вертелся только один ответ. Вообще-то даже одно слово. Оно довольно четко отражало все мои чувства.

Черт.

Глава вторая

Бэйн

– Сегодня прекрасный день для «хэнг-элевен»⁸. – Бек дико засмеялся, его длинные влажные каштановые волосы развевались на ветру, пока он, лежа животом на доске, покорял огромную волну. Это был халтурный заезд, и я ненавидел, когда так делали. Все равно что попросить шикарную модель просто подрочить тебе по пьяни. Откровенно говоря, любой день, когда пляж оставался полупустым, отлично подходил для серфинга голышом. И именно поэтому каждое морское существо в Южной Калифорнии знало наизусть форму моего члена. Я усмехнулся и наблюдал, как друг поднялся, стянул с себя шорты и обмотал их вокруг запястья, как браслет. Мой школьный друг Хейл плыл в нескольких футах от меня, прорываясь через зону прибоя, а моя бывшая девушка со школьных времен, Эди, сидела на своей доске рядом со мной, глядя спокойно в сторону пляжа.

Я проследил за взглядом девушки и заметил ее мужа Трента и их дочь Луну, строящих песчаные замки. Эди моя

⁸ Во время выполнения трюка «хэнг-элевен» (англ. «Hang 11») серфер едет на доске голым.

любимая и единственная бывшая. А еще она входит в список моих лучших друзей. Знаю, звучит сложно, но на самом деле все не так. Мне нравились люди такими, какие они есть, вне зависимости от того, мог ли я их трахать. Эди – или Гиджет, как я называл ее со времен старшей школы, – была для меня недоступна, но все еще оставалась прежней Эди. Она сосредоточенно морщила лоб. Я оседлал свою «Файрвайр Эво»⁹ и щелкнул ее по уху.

– Ты снова это делаешь.

– Что?

– Слишком зацикливаешься на своих мыслях.

Гиджет сморщила нос.

– У меня просто немного кружится голова. – Она бросила свои светлые волосы назад и, прищурившись, продолжила смотреть в сторону берега.

– Ты бледная. – Я преуменьшил, но сказать правду было бы не по-джентльменски. – Отправляйся домой. Волны никуда не денутся.

Она повернулась назад:

– Эй, Бек! Моя дочь на пляже. Верни свои трусы на место, грязное животное.

Мне нравилось, что она называла свою падчерицу дочерью. Эта семья была самой настоящей из всех, что я видел, хотя они и знали друг друга всего несколько лет.

– Что насчет тебя? Ты в порядке? – Эди провела по воде

⁹ Марка доски для серфинга.

кончиками пальцев.

– Никогда не чувствовал себя лучше.

– Надеюсь, ты все еще не забываешь про презервативы? – она выгнула влажную бровь. Эди часто задавала мне этот вопрос, с тех пор как я решил зарабатывать с помощью своего тела.

Поборов желание закатить глаза, я толкнул ее доску ногой.

– Ты разбиваешь волны, Гиджет. Или начинай серфить, или убирайся отсюда на хрен.

Я проследил, как Эди поплыла в сторону берега, прежде чем повернулся, чтобы разобраться с Беком и Хейлом, и обнаружил, что они уже сидят на своих досках в паре метров от меня.

– Шоу окончено, – я плюнул в воду.

Бек запрыгнул на свою доску – у ублюдка имелись все задатки инструктора по йоге – и исполнил раздражающий танец с выпадами паха вперед, к которому прибегают все озабоченные придурки, домогающиеся каждое живое существо в поле своего зрения. Со своими длинными каштановыми волосами он выглядел как молодой Мэтт Дэймон. Бек начал петь «The show must go on» группы Queen, с силой сжав кулак.

Я взял Бека под свое крыло в надежде сделать из него профессионального серфера, ради которого все будут спешить насладиться соревнованиями. Он был хорош, как Кел-

ли Слейтер¹⁰, но еще и ленив, как Гомер Симпсон¹¹, так что мне приходилось активно готовить его к соревнованиям в конце сентября. Я единственный, кого он боялся, поэтому если кому и удавалось оторвать его задницу от кровати каждый день в пять утра, то только мне.

Хейл покачал головой.

– Постригись, кретин. Твой пах выглядит как Фил Спектор¹², – указал он на пенис Бека. Тот засмеялся, его хозяйство раскачивалось, как волосы в рекламе шампуня.

Хейл снова повернулся ко мне, и теперь мы втроем сидели как прикурки, разрушая волны. Прекрасно.

– В этом месяце обход за мной, верно?

Обход подразумевал сбор денег за протекцию с магазинчиков на набережной.

– Верно.

– Могу я еще что-нибудь сделать? – он прижался прессом к доске.

У Хейла были рыжие волосы, зеленые глаза и душа, склонная к саморазрушению, как у Холдена Колфилда¹³, которого закинули в искусственный городок Тодос-Сантос.

¹⁰ Профессиональный американский серфер, одиннадцатикратный чемпион мира по серфингу.

¹¹ Один из главных героев мультсериала «Симпсоны».

¹² Американский музыкальный продюсер. Славился своей густой объемной прической.

¹³ Главный персонаж романа «Над пропастью во ржи» Джерома Д. Сэлинджера, символ юношеского бунта.

Еще у него имелось то, чего я был лишен, – идеальные родители. Он был близок к получению степени магистра филологии и должен был пойти по стопам предков, став профессором. Они хотели, чтобы сын превратил пластиковые души жителей Южной Калифорнии в мыслящих людей. Но Хейл не хотел становиться профессором или учителем. Он хотел быть дикарем, похожим на меня.

– Будь хорошим мальчиком и не забудь выполнить домашнюю работу, – с издевкой произнес я.

Он обрызгал меня, как пятилетка.

– Мне нужно больше ответственности. Я хочу стать частью «Серф-Сити».

Мы с Хейлом делили пополам прибыль от «крышевания» магазинчиков, и меня это устраивало, потому что почти всю работу выполнял он. Но ему всегда хотелось большего. «Серф-Сити» – моя идея, мое детище, моя мечта. И я не собирался его ни с кем делить.

– Я серьезно, – застонал он.

– Я тоже. – Подняв глаза, я заметил, как голый Бек гребет к берегу, унося от нас свой волосатый пах. – Мне не нужна помощь.

– Но у меня есть деньги. Я могу вложить их в парк.

– Ты можешь взять свои деньги и свалить на хрен с моего пути, позволив мне посерфить.

– Почему нет? Очевидно же, что тебе нужны инвестиции. Или ты уже кого-то нашел?

Я не собирался рассказывать ему про Даррена и Джесси, потому что не был уверен, во что выльется вся эта затея, да и в любом случае я бы не исключал вероятность того, что Хейл облажается, просто ради веселья. Он сделан из того же теста, что и печально известные Беспутные Хулиганы. Иногда он мог вытворить что-нибудь просто потому, что ему нравилось тешить свое эго.

– Это не твое дело.

– Тебя реально сложно понять, Проценко.

– Или, – я склонил подбородок, улыбаясь, – может, тебе просто не дано понимать людей, Хейл.

Его ноздри смешно раздувались. Он поспешил убраться на своей доске, его собственная версия хлопка дверью перед моим лицом. Я засмеялся. Несколько минут спустя ко мне подплыл Бек, тяжело дыша.

– Да что с вами со всеми? Гиджет ведет себя как телочка, а Хейл как киска. И ты будто бы их абьюзивный папаша.

Ухмыльнувшись, я наблюдал за отдаляющейся фигурой Хейла, не переставая думать о «Серф-Сити».

– Ну что, завтра в это же время? – Бек сделал вид, что хочет ударить меня в плечо, но на самом деле у него на это никогда не хватит смелости.

– Ага. Давай пораньше, у меня есть планы на день.

У моих планов есть имя, описание и конечная цель.

Мой план – девятнадцатилетняя девушка.

Но я еще не знал, что мой план вот-вот обернется сущей

катастрофой.

* * *

Первым делом я изучил расписание Джесси. Хотя «расписание» – слишком громко сказано, эта чудачка не стремилась покидать пределы дома, или комнаты, или... кровати. Ее имя вызывало во мне чувство дежавю, но я не придавал этому значение. У нас маленький город. Вероятно, когда-то мы с ней сталкивались. Возможно, в какой-то момент я даже был в ней.

Что вызвало бы крайне неловкую ситуацию.

Даррен сказал, что родной отец Джесси умер, когда ей было двенадцать, и это событие сломило ее еще до того, как те парни притронулись к ней. Еще он отметил, что устроить с ней якобы случайную встречу будет так же тяжело, как научиться вальсу свинью.

– Тебе придется шамоту прокладывать путь в ее мир, потому что она редко покидает дом, – сказал он по телефону. – Она едит к терапевту каждый четверг, в центр города, и выходит на пробежку вокруг Эльдорадо каждый полдень и около трех ночи.

Дважды в день? Ладно, это меня не касается.

– Интересный выбор времени, – прокомментировал я, не отрывая взгляда от листка бумаги.

– В это время не так много людей.

Разумеется.

Записав все его комментарии на листок, я попытался понять, куда, черт возьми, мне вклиниться в этом расписании.

– Что еще? – Я щелкнул пузырем из жвачки прямо в трубку телефона.

– Она часшто навещает нашу шошедку, мишшиш Белфорт. Ей жа вошемдесят, и она больна Альцгеймером.

Джесси Картер определенно вела интересную жизнь. И я был тем везунчиком, кто собирался выманить ее обратно во внешний мир.

– Это все? – спросил я.

– Да, – вздохнул он.

– Больше никого? Парень? Лучшая подруга? Шопинг с мамочкой в «Бэлмэйн»¹⁴? – У меня оставалось слишком маленькое пространство для маневра. Я не мог без предупреждения появиться возле дома ее соседки и притвориться, что мы столкнулись случайно. Вернее, мог, но только если бы захотел попасть под арест.

– Нет, – сглотнул Даррен. – У нее никого нет.

Прищурившись, я посмотрел на листок бумаги, который сжимал в руке. На то малое, с чем придется работать. Складывалось ощущение, что девушка не хочет существовать за пределами своего дома. Осталось уточнить у Даррена еще одну вещь. Он уже подписал контракт, и дело сдвинулось с

¹⁴ Элитный французский бренд одежды и аксессуаров, основанный модельером Пьером Бальменом в Париже в 1945 году.

мертвой точки. И он настоял на двух обязательных пунктах, выделенных жирным шрифтом. Первый – Джесси Картер никогда и ни за что в своей жизни не должна узнать об этой сделке. И второе – я никогда и ни за что в своей жизни не вступлю с ней в сексуальные отношения.

«Нарушишь один из них или оба пункта, и сделке конец».

По правде говоря, я не воспринял его угрозу всерьез, он казался мне настолько слабыхарактерным, что вряд ли смог бы обидеть даже муху.

– Пришли мне ее свежую фотографию. Мне нужно знать, как она выглядит, чтобы, ну ты понимаешь, не начать подкатывать к случайным незнакомкам.

– Ты не будешь к ней подкатывать, – четко произнес он. – Твоя жадача – помочь ей.

Семантика – любимица западного общества. Неважно, как именно я это сделаю, главное, что Джесси Картер покинет свой гребаный дом. Не имело смысла искать ее в Сети. Если я правильно понял эту девушку – а я уверен, что это так, – то ее не окажется в социальных сетях. Она хотела исчезнуть с лица земли, и ей это почти удалось.

Я собирался вернуть ее в общество.

Она может прийти одна или со своими демонами.

Мне абсолютно наплевать.

На фото, что прислал мне Даррен, было больше зерна, чем в песке на пляже Тобаго, и я толком не мог рассмотреть Джесси. Похоже, что он сделал этот снимок, пока она не видела, что заставило мой внутренний измеритель неадекватности дернуться несколько раз. Она сидела на скамейке, держа в руках экземпляр «Капитанской дочки» Александра Пушкина. Книга закрывала ее лицо. Все, что мне удалось разглядеть, это волосы цвета воронова крыла, белоснежную кожу и длинные ресницы. У меня было странное чувство, будто я уже видел ее, но воспоминание потерялось где-то на задворках памяти. Даже если так, сейчас она – мой бизнес.

Только бизнес.

Работа, которую я не хочу потерять.

Особенно после того, как уже потратил пятьсот тысяч долларов из трех миллионов, которые перевел на мой счет Даррен, на итальянскую мебель для своего бутик-отеля. *Упс.*

Я решил, что удобнее всего будет встретиться с Джесси, когда она поедет на сеанс психотерапии. Я ждал напротив блестящего здания, где находилась клиника. Разместившись в кофейне на территории парка Либерти, я следил за зданием через окно. Она припарковала свой Range Rover перед клиникой и вышла из машины. Ее опущенные плечи напоминали сломанные крылья, в ее мрачном взгляде умирала душа.

Первая мысль, которая промелькнула при виде девушки, – она не уродина. Она прекрасна, и это откровенное уменьшение века.

Вторая мысль заключалась в том, что я уже ее видел. Мне даже не нужно, чтобы она собирала свои чернильные пряди, дабы увидеть татуировку с цитатой Пушкина. Такую девушку не забудешь. Мы встретились несколько лет назад, на пляже, но я до сих пор помнил то дикое желание завоевать ее. И свою злость, когда увидел, как ее бледнозадый парень-подросток принялся тискать ее, стоило только девушке опуститься на песок рядом с ним в своем маленьком красном бикини. К счастью, я сдержался и не выкрал ее у него из-под носа.

Теперь же, когда она стала частью сделки, я тем более не мог к ней прикоснуться.

На Джесси были бесформенные джинсы, как попытка скрыть длинные ноги, оранжевая рубашка – длинная, мешковатая и удручающе скромная – и черная расстегнутая толстовка с капюшоном. Она надела бейсболку – с логотипом «Рэйдерс»¹⁵, вот это моя девочка, – а в руке сжимала очки размером во все лицо. Очевидно, она желала оставаться максимально неприметной, насколько это возможно. К несчастью для нее, за шесть миллионов я собирался не только заметить ее существование, но еще и чествовать и возвести

¹⁵ Las-Vegas Raiders – профессиональный клуб по американскому футболу из города Лас-Вегас, штат Невада, выступающий в Национальной футбольной лиге.

храм в ее честь. Образно выражаясь.

Она исчезла внутри здания, опустив голову и полностью избегая зрительного контакта с кем-либо. Следующий час девушка должна провести у психотерапевта. Времени оставалось достаточно, чтобы я успел пройтись возле ее машины, скрутить наконечник со стержня клапана на задней шине и наблюдать, как из нее медленно выходит воздух. Потом спустился вниз на два квартала за своим автомобилем – красным пикапом «Форд», которым не пользовался миллиард лет, – и припарковался прямо позади ее машины.

Как и ожидалось, через час Джесси покинула здание и стремительным шагом направилась к автомобилю. Проницательная малышка, она заметила спущенное колесо, прежде чем забралась в машину. Девушка присела на корточки, вздохнула и покачала головой. Я открыл водительскую дверь и спрыгнул на землю, в нескольких метрах от нее. Даррен упоминал, что ей не нравились мужчины, приближающиеся слишком близко. *Не проблема.*

– Все хорошо? – спросил я.

Она вскинула голову и нахмурилась, будто мое обращение к ней нарушило разом семь сотен социальных норм. Она не ответила, опуская свою маленькую ручку к шине в попытке нащупать наконечник клапана. Девушка знала, что делает, чем немало меня удивила. Не то чтобы это имело значение. Чтобы сменить колесо, Джесси нужен кто-то, кто подаст запаску, и я не сексистская свинья, это дерьмо весило целую

тонну. А она была крошечной. Простая физика.

И какое счастливое стечение обстоятельств, что я оказался рядом, верно?

– У тебя спущено колесо, – озвучил я чертовски очевидный факт, делая неуверенный шаг в ее сторону. Она чуть из кожи не выпрыгнула, отступая назад. В глазах застыл чистый ужас. Догадываюсь, что борода, татуировки и огромный пикап не особо помогли разрядить обстановку.

– Не нужно! – рывкнула она дрожащим голосом.

– Что не нужно?

– Прикасаюсь ко мне.

– Даже не планировал, – сказал я.

И это чистейшая правда. Она могла заплатить мне любую сумму до шести миллионов, и я бы все равно не согласился даже на поцелуй в щеку. Я отступил назад и поднял ладони вверх, показывая, что сдаюсь.

– Давай попробуем еще раз. Могу я помочь тебе сменить колесо? У меня в пикапе есть домкрат, – я указал пальцем за плечо. – Ты можешь отойти на любое комфортное расстояние. Я обещаю, что не притронусь к тебе. Черт, да я клянусь, что даже смотреть на тебя не буду. Ненавижу оранжевый, – я указал кивком головы на ее рубашку. Еще одна правда. Цвет напоминал мне об этом ублюдке, Хейле, с его рыжими волосами.

Она долго и упорно смотрела на меня, будто ожидая, что мои настоящие намерения вылезут из моих глазниц во время

следующего моргания. Я устоял на нее в ответ, задействовав каждую каплю самоконтроля, чтобы не развернуться и не уйти отсюда. Я понимаю, у нее есть причины, но она чертовски странная. Я не делал ничего сложного, необычного или причудливого. Обыденные, простые вещи. Не поймите меня неправильно – Джесси была прекрасна, но еще она выглядела как великолепная трагедия, призванная испортить твою жизнь.

– Моя страховка это покроет, – запуталась она в своих же словах. Будто никогда не разговаривала с незнакомцами. Я надул и громко лопнул свою жвачку с корицей.

– А еще они отнимут у тебя целый час времени. Я же смогу уложиться в пятнадцать минут, вдобавок избавлю тебя от бумажной волокиты и головной боли.

– Я не против бумажной волокиты и головной боли. Уезжай.

– Справедливо. Звони в свою страховую компанию, – я скрестил руки на груди.

Она могла бы найти их номер в интернете, но это, вероятно, займет минут двадцать. В эту часть города сигнал мобильной сети почти не доходил. Она располагалась так низко в долине, что практически соседствовала с адом. Пришурившись, девушка попыталась поискать номер, все больше раздражаясь от моего пристального внимания. Но в итоге зашла в тупик.

– Что ты хочешь взамен? – Джесси подняла на меня

взгляд, отказавшись от идеи использовать интернет. Она полная противоположность своего отчима. Даррен был слаб и пассивен, когда волновался. Она же пылала огнем, готова выколоть тебе глаза, если решишься подойти ближе.

– Чашечку кофе. Черного. И никакого соевого дерьма, – сказал я, закатывая рукава до локтей и поворачиваясь к ней спиной, чтобы достать из пикапа ящик с инструментами. Когда я обернулся, она все еще стояла на месте и смотрела на меня с недоверием. Я бросил ящик на тротуар и открыл багажник ее машины, ощущая ее взгляд на своем лице, как будто находился под дулом пистолета.

Она не хотела со мной разговаривать.

Но еще больше она не хотела торчать тут и жариться под южнокалифорнийским солнцем в ожидании службы эвакуации.

– Не стесняйся принести мне кофе в любой момент. – Я даже не удостоил ее взглядом, делая вид, что ощупываю шину в поисках источника проблемы.

Кстати, я уже упоминал, что не люблю кофе? Это чистейший яд, а я полупрофессиональный серфер, привыкший к здоровой еде.

Она сдвинулась с места, оглядываясь вокруг, будто я собирался затащить ее в переулок.

– Повтори, какой кофе ты пьешь?

Со стопкой водки. И без кофе.

– Удиви меня.

– Удивить тебя?

– Ага. Это значит сделать что-то шокирующее и неожиданное. Например, знаешь ли, ты могла бы улыбнуться.

– Кто ты такой, чтобы судить меня?

– Я твой новый лучший друг. А теперь иди.

Она покачала головой и направилась в «Старбакс» через дорогу. В четверг вечером центр Тодос-Сантоса казался мертвым. Еще одно благословение для вашего покорного слуги. Я не хотел, чтобы прохожие узнали кого-нибудь из нас. Джесси была слишком напряжена. А я занят работой и заодно попытками отодвинуть подальше мысли о том, что она, подобно сирене, взывала к моим желаниям.

И еще она жертва насилия.

И к тому же часть выгодной бизнес-сделки.

О, а еще она чертов подросток, ты, двадцатипятилетний извращенец.

Джесси вернулась с дымящимся стаканчиком кофе и протянула его мне так, будто держала мертвое тело.

– Поставь на капот.

Мои грязные руки были заняты размещением домкрата под рамой. Будучи единственным ребенком у матери-одиночки, я научился самостоятельно делать все, кроме открытой операции на сердце. Я мог бы легко поменять все колеса Джесси и приготовить с нуля окрошку, пока она подпиливала свои ногти. Но прямо сейчас мне нужно, чтобы она поняла, что может мне доверять. Девушка все еще смотрела на

меня озадаченно, будто сама не понимала, почему позволяла помогать ей.

Затем, в подтверждение моим подозрениям, она выпалила:

– Напомни, почему ты помогаешь мне?

– Я хотел кофе.

– Ты можешь позволить себе кофе.

– Как ты это поняла? У тебя есть лазерное зрение, которым ты просветила мой карман и добралась до бумажника? – проворчал я, поднимая ее запасное колесо. И почему она не могла водить маленький «трахни-меня-в-миссионерской-позе» «Мини Купер», как все остальные богатые цыпочки этого города?

– Я тебя откуда-то знаю?

Надеюсь, что нет, потому что это будет ампула либо пляжного тусовщика, либо неофициальной шлюхи города.

Я оглянулся на нее, вытирая лоб и оставляя на нем следы от масла.

– Так и что? Знаешь?

– Ты Роман Проценко. – Она встревоженно потерла лоб, и вот оно – выражение явного страха и отвращения.

Мое сердце забилось быстрее, хотя и не должно было. Я напомнил себе, что меня это не должно волновать... только вот уже волновало, потому что я потратил часть денег Даррена.

– Что ж, ты знаешь, кто я. И какие выводы из этого можно

сделать?

– Никаких выводов. Мне плевать, даже если ты Папа Римский или Джастин Бибер. Я не хожу на свидания.

– Я тоже, так что перестань вести себя так, будто я тебя домогаюсь, – сказал я откровенно.

Она немного расслабилась и коротко кивнула. Что-то мне подсказывало, что это ее версия улыбки, и она не вызвала во мне волну ненависти. Обычно калифорнийские девушки улыбались так, будто на них смотрит весь мир. Но движения Джесси были осторожными, тихими.

– А как твое имя? – спросил я, потому что на самом деле не должен был этого знать.

– Никак. Ты закончил? – кивнула она на колесо.

– Почти, Никак.

Фактически все было готово. Но я не хотел, чтобы она уезжала. Неизвестно, когда мы увидимся в следующий раз. Но я точно знал, что в каком-то долбаном, судьбоносном смысле я *хотел* ей помочь. У меня возник свой интерес в этом деле. Я кое-что знал об изнасиловании. Черт, может, именно поэтому я и был мальчиком по вызову. Как-то неправильно говорить «нет», когда у стольких женщин даже не было выбора.

С другой стороны, не мог же я заставлять Джесси торчать тут часами.

– Все готово, Снежинка. – Я встал, вытирая масло о свои камуфляжные штаны. Все еще находясь на приличном рас-

стоянии от меня, она кивком головы указала на кофе, стоящий на капоте, чтобы не подходить ближе.

– Снежинка?

– Тебя не могут звать Никак, поэтому я выбрал Снежинку.

– Это какой-то политический комментарий? – она прищурила глаза. Я еле сдержался, чтобы не закатить свои.

– Никакого политического подтекста. Ты просто похожа на снежинку.

– Почему?

– Потому что ты охренительно бледная.

Потому что я нашел тебя в грязи, именуемой жизнью, и ты выделялась. Как возможность, которую я не могу упустить.

Джесси впервые встретилась со мной взглядом. Ее глаза были пугающе выразительными. Цвета океана. Понимаю, как банально это звучит, но, черт возьми, это чистая правда.

– Я... ну, спасибо, наверное.

– Постой, – сказал я, швыряя ящик с инструментами на землю с глухим стуком. – Теперь я должен тебе кофе.

Она уставилась на меня так, будто я отрастил вторую голову, зеленого цвета и с шапочкой в форме пениса.

– Это так не работает, – она недоверчиво нахмурилась.

– Кто ты такая, чтобы говорить, как это работает? – Я прислонился бедром к ее автомобилю, щурясь от солнца.

– Кто ты такой, чтобы говорить, что и как работает? – Ее глаза расширились, и гнев перевесил настороженность.

– Я владею кофейней. И знаю о кофейном этикете больше тебя, я должен тебе кофе. Давай встретимся завтра.

Она схватила нетронутый стаканчик с капота, подошла к ближайшей мусорке и выкинула его. Затем вернулась к своему внедорожнику и открыла водительскую дверцу.

– Вот. Теперь ты ничего мне не должен.

– Но ты за него заплатила, – сказал я, не совсем уверенный, что только что не облажался, но выбора у меня не оставалось. Она крепкий орешек. Я настолько привык пробивать своим очарованием дорогу в женские трусики, что совсем забыл, как прокладывать путь к сердцам.

Как правило, это было до неприличия легко.

Я разминал свои татуированные руки, поднимая доску для серфинга.

Собирал в пучок распущенные светлые волосы.

Сгибал пальцы и потягивался, зевая и обнажая кубики на прессе.

Обычно этого достаточно. *Бум.* И они готовы.

Но с ней я был вне игры.

Она скользнула на свое место и потянулась к дверце, чтобы захлопнуть ее у меня перед носом. Мне нужно было что-нибудь придумать, *что угодно*, потому что я все меньше и меньше контролировал ситуацию, и мне это не нравилось. Джесси Картер не реагировала на мои ухаживания. Меня будто окатили холодным дерьмом из ведра прямо в лицо. Я просунул ногу между дверью и рамой машины.

– Постой.

Себе на заметку: никогда не приближаться к Джесси Картер, если поблизости есть дверь.

Она хлопнула дверью мне по ноге. *Черт.*

Я выдернул свою ногу, и в этот же момент она вскрикнула в недоумении. О чем я думал? Все просто – я вообще не думал. Вместо того чтобы прыгать и молиться о том, чтобы она не сломала мне ни одной кости, я сверкнул своей самой дерзкой ухмылкой.

– Я не собиралась захлопывать так сильно. – Она поморщилась и вроде бы говорила искренне. Контраст между ее черными волосами и светлой кожей шокировал. Она напоминала картину. Не такую странную и провокационную, как у Питера Пауля Рубенса¹⁶. Скорее что-то в духе диснеевских принцесс. Нарисованную возбужденным шестнадцатилеткой, который подарил ей пару фантастических сисек.

– Правда? Тогда загладь свою вину. Кофе. Завтра. Считай это собеседованием. Мне нужен бариста, Снежинка, – прошипел я, понимая, что мои слова звучат отчаянно, но мне было насрать.

– Я не ищу работу.

– Уже есть другая?

– Это не твое дело.

– Ты права. Для начала укрепим дружбу. А позже я заманю тебя на работу. Но сначала – кофе.

¹⁶ Нидерландский живописец, один из основоположников искусства барокко.

– Нет.

– Что мне сделать, чтобы ты согласилась?

– Ничего.

– Чушь. Всегда можно что-то придумать.

– Нет. Ничто не заставит меня выпить с тобой кофе, *Бэйн*.

– Подумай еще. Ты кажешься мне умной девочкой. Уверен, мы можем найти какое-то решение.

Она вздохнула, глядя на небо, будто там был написан ответ.

– Возможно, если бы ты спас мне жизнь или я бы задолжала тебе в каком-то более глубоком смысле. В ином случае я не хожу на свидания.

– Ты меня не слушаешь. Я хочу, чтобы ты работала на меня. И хочу стать твоим другом.

– Я никогда не стану на тебя работать. И *почему* ты хочешь со мной подружиться?

Потому что твой папочка заплатит мне за это шесть миллионов.

– Потому что ты кажешься крутой девчонкой. Потому что ты смешная. И сообразительная. И на тебя приятно смотреть, даже в этой ужасной рубашке. Но я тоже не хожу на свидания. И уж точно не собираюсь затаскивать тебя в постель.

Говорил же, я проклятый лжец.

– Ты гей? – Ее глаза загорелись. Я вполне мог бы притвориться геем. В юности я позволял множеству парней мне от-

сасывать, чтобы понять, нравится ли мне. С другой стороны, нет смысла лгать больше необходимого. Она всем своим видом источала надежду, нервно жуя прядку волос. Будто отсутствие любви к членам было единственным препятствием на пути нашей дружбы.

– Нет. Но моя работа несовместима с отношениями. Это долгая история. – Я снова вытер лоб, зная, что я потный, грязный и безумно привлекательный для любой женщины в этой Вселенной, кроме Джесси Картер.

– Так ты просто хочешь подружиться? – спросила она. Джесси сидела в машине, а я изо всех сил старался не смотреть на свою ногу, чтобы удостовериться, что она не отвалилась, и это чертовски изматывало. В этот момент я не хотел быть ее другом. Я хотел засунуть ногу в ведро со льдом и проклинать ее всю следующую неделю.

– И еще чтобы ты пошла работать в мою кофейню, – добавил я. – Убить двух зайцев одним выстрелом.

Джесси обдумывала эту идею несколько минут, покусывая губы, прежде чем ответила:

– Нет.

Затем она завела свой внедорожник и помчалась по дороге, ведущей к Мэйн-стрит, вероятно в направлении Эльдорадо. Я смотрел вслед ее машине точно так же, как несколько лет назад провожал взглядом ее задницу на пляже, со смесью желаний, раздражения и восхищения.

* * *

Она действительно напоминала мне снег.
Подобно ему, она растает на моем языке.

Глава третья

Джесси

Всегда прощайся с теми, кого любишь так, будто никогда больше их не увидишь.

Отец дал этот совет, когда мне было девять, и с тех пор я постоянно прокручиваю его в своей голове. Не знаю, почему слова папы заставили меня подумать о Бэйне. Возможно, потому, что я отчетливо помню, что сказала отцу перед его смертью.

Я больше не хочу тебя видеть, никогда.

Тогда мы только узнали о его интрижке, Пэм и я. В то время она еще позволяла мне называть ее мамой. Его предательство уничтожило кокон уверенности и счастья, в который я была укутана на протяжении всей своей жизни. Частично я винила его и за то, что случилось потом. Даже за Эмери. В конце концов, если бы не его измена, Пэм не пришлось бы заново выстраивать свою жизнь и она бы не встретила Даррена. Я бы все еще называла ее мамой. Мы бы жили в Анахайме, а не в Тодос-Сантосе. Я бы не водила машину, но, по крайней мере, была бы счастлива.

И мне бы не пришлось дружить с миссис Белфорт.

И не пришлось бы прятаться в Эльдorado.

Я бы была собой. Бедной, довольной и *собой*.

Хватит ныть, Джесси. Ненависть к себе не так уж плоха, когда к ней привыкаешь.

– Здравствуй, Имане! Сейчас подходящее время? – Я кинула свой рюкзак в холле дома миссис Белфорт.

– Она в столовой. – Имане, ее домработница, склонила голову, уступая мне дорогу.

Я прошла в столовую с ярко-синими стенами, дополненную высокими золотыми арками, красными занавесками и бронзовой люстрой. В центре комнаты располагался французский провинциальный обеденный стол, за которым могли разместиться не менее тридцати гостей. Миссис Белфорт сидела в одиночестве в конце стола, одетая в изумрудное шелковое платье с золотым вырезом, с насыщенно-красной помадой и прической в стиле старых фильмов. Она смотрела на пустой стул на другом конце стола, желая, чтобы на нем сидел ее покойный муж, Фред. Мое сердце сжалось в своей костяной клетке, каждый удар опалял жаром ребра изнутри.

– Миссис Би? – тихо прошептала я, чтобы не напугать женщину.

Она проигнорировала меня.

– Фред, попробуй устрицы. Они изумительны.

Фред ничего не ответил, потому что его здесь не было. Справедливости ради скажу, что устриц здесь тоже не было. Уверена, миссис Белфорт поужинала еще несколько часов назад. Наверняка Ула, ее повар, снова приготовила ей суп

или запеканку.

«Твой единственный друг теряет рассудок», – цокнул тихий голосок в моей голове.

Мне хотелось верить, что этот голос принадлежал прежней Джесси. Что она все еще существовала где-то глубоко внутри меня, оставаясь моим неизменным собеседником. Хотя и понимала, насколько жалко это выглядит.

Образ Романа Проценко снова всплыл в моей голове.

Снежинка.

Я вспомнила его напряженный взгляд, когда он смотрел на меня. Он источал секс, даже если слова были вполне невинны. Я оценила его предложение. И даже почти поверила, что он не хочет залезть ко мне в трусы. Но я уже давно ни с кем не общалась и, черт возьми, не собиралась сейчас начинать. Ни с ним, ни с кем-либо еще.

– Миссис Би, – повторила я, подойдя ближе и положив руку ей на спину. – Может, выйдем на улицу и полюбуемся кустами роз? Или прогуляемся в лабиринте? – Она уже несколько месяцев не соглашалась посещать сад.

Джульетта Белфорт отшатнулась и подняла на меня взгляд. Жизненный опыт и душевная боль омрачали ее лицо. А уставшее выражение на нем доказывало, что самой смертельной болезнью в мире являлось время. У Джульетты было двое детей. И Райан, и Кейси жили на Восточном побережье, но она никогда не выражала восторг от идеи переехать к ним. Не то чтобы они предлагали. Из-за хрупких костей миссис

Би надевала три слоя одежды, когда выходила на улицу, а в доме температуру термостата устанавливали где-то на уровне между костром и адом.

– Джесси, дорогая, я не могу сейчас уделить тебе время. Я обедаю с мужем.

В этот раз она хотя бы вспомнила, как меня зовут. Ее разум не всегда так ясен. Именно поэтому у нее есть постоянная медсестра, домработница и повар. И по этой же причине она не понимает, почему я продолжаю отклонять ее предложения сходить на свидание вслепую с ее милым племянником примерно моего возраста.

Я перестала рассказывать ей подробности моей ситуации, потому что на следующий день она все равно снова об этом спросит.

Я не хожу на свидания.

Я не влюбляюсь в парней.

Я Неприкасаема.

И миссис Би всегда отвечала: «Перестань так бояться любви. Она не может тебя убить!»

Только именно это она и сделала.

– Ничего, если я подожду, пока вы, ребята, закончите? – Я слабо улыbnулась, мысленно умоляя ее поговорить со мной.

Она пожала плечами и отпила чай из изящной фарфоровой кружки.

– Как хочешь.

Я вернулась в холл и плюхнулась на скамейку с мягкой

обивкой, вытащила из рюкзака книгу и пролистала брошюру про бесплатные объятия, которую мне вручила на улице какая-то девочка, когда я в последний раз ездила к Майре. Я улыбнулась иронии, глядя на слова в буклете, но не вникала в их смысл. Почему Бэйн хотел нанять меня? Я была бы дружелюбна к посетителям так же, как пневмония.

Слышал ли он мою историю?

Глупый вопрос. Конечно, слышал. Все в городе знали одну или парочку ее версий. Меня считали городской шлюхой. Иезавель¹⁷. Вавилонской блудницей.

Я получила то, о чем просила.

Эмери Уоллес остался в их глазах несчастной жертвой обстоятельств. А я ведьмой, раздвинувшей ноги.

Может, Бэйн думал, что я легко сдамся.

Или, возможно, он действительно жалел меня.

Но это ничего не меняло. Несмотря на то, через что мне пришлось пройти, я не нуждалась в его благотворительности. Мне не нужно его милосердие, или работа, или симпатия. В них я также не нуждаюсь.

Черт, надеюсь, миссис Би уделит мне сегодня время.

Я прочитала несколько страниц, старательно пытаюсь выбросить Бэйна из головы. Временами разум миссис Би был так же ясен, как августовское небо. Я доверяла ей больше, чем готова была признать. Разговоры с ней складывались

¹⁷ Жена израильского царя Ахава, ее имя является нарицательным для порочных женщин – гордых, властолюбивых и тщеславных.

легче, чем с Майрой, моим психотерапевтом, потому что Майра всегда делала заметки и предлагала решения. Миссис Белфорт же очень редко помнила наши беседы.

Через двадцать минут Имане вышла из столовой со сложенными за спиной руками и с подавленным выражением лица.

– Прости, Джесси. Не сегодня. Фред... – У нее перехватило дыхание. Имане прикусила щеку изнутри, не в силах смотреть мне в глаза. – Фред неважно себя чувствует.

Я встала и уже направлялась в сторону двери, когда миссис Белфорт вышла из столовой, вцепившись в дверной косяк, чтобы удержаться на ногах. Она казалась незнакомкой, в глазах застыло выражение, которое я никогда раньше у нее не видела. *Ясность.*

– Моя дорогая, ты не можешь бояться любви. Это все равно что бояться смерти. Она неизбежна.

* * *

Любовь подобна смерти. Она неизбежна.

Эти слова еще долго преследовали меня после того, как я покинула дом миссис Би. Хорошо, что я собиралась на пробежку, мне было необходимо проветрить голову после такого странного дня.

Время после полуночи стало моим любимым. В три часа ночи время просачивалось в кожу, словно поцелуй, медлен-

но и соблазнительно. Я не спала по ночам – именно в это время подкрадывались кошмары. Настолько ужасные, что в какой-то момент я перестала засыпать. Дневной сон урывками помогал держаться на ногах. Но чтобы проспать всю ночь? Нет уж, спасибо. Это практически приглашение на повторный показ «Инцидента». По кругу.

Сегодня вечером на меня, должно быть, наложили какое-то заклятие. Во время разговора с незнакомцем – незнакомцем-мужчиной – я чувствовала себя смелой и все ограничения и барьеры, что я сама себе установила, отошли на второй план.

Я вставила наушники. Песня «Time to Dance» группы Panic! At The Disco ворвалась в мои уши, когда в три часа утра я направилась в сторону трассы Эльдorado. В носке я припрятала электрошокер и маленький швейцарский нож. Вдобавок к этому я жила в закрытом районе, по периметру которого каждый час проезжала патрульная машина. Мне пришлось взять с собой нашего лабрадора Шэдоу, он практически умолял меня об этом перед выходом. Он, вероятно, оставался последним живым существом, о котором я заботилась.

Пес бежал на поводке, отставая от меня, как и положено четырнадцатилетнему ветерану, коим он являлся.

«Неприкасаемая», – подумала я, ступив на бетонную дорогу. Даже я готова была признать, есть в этом слове нечто милое.

Вот только это не комплимент. Я получила такое прозвище, потому что никому не позволяла касаться себя. Никогда. Вообще.

Стук, стук, стук. Я бежала так, будто от этого зависела моя жизнь. Три года назад так и было. И я не справилась. Они меня поймали.

С тех пор я бегала дважды в день. Пять миль по периметру охраняемого района, в котором жила.

Бежала, чтобы вымотать себя физически и морально, чтобы иметь возможность заснуть.

Бежала, чтобы не пришлось стоять на месте, размышлять, вспоминать и рассыпаться на крупички.

Бежала от своих проблем, реальности и пустоты, которая грызла внутренности, подобно кислоте. Жгла, пожирала, уничтожала.

Моя рутина превратила меня в простого потребителя кислорода. Даже мне самой пришлось признать, что моя жизнь бесцельна. Я спала в дневное время и начинала жить глубокой ночью. Усердно тренировалась в подвале, стараясь избежать общения с Пэм и Дарреном, насколько это возможно. Они умоляли меня вернуться в общество, но я отказалась. После чего они забрали мою беговую дорожку, и мне пришлось выходить бегать на улицу. Они пригрозили, что лишат меня карманных денег, если я не найду работу, тогда я просто перестала их тратить. Вместо этого читала книги, гуляла с Шэдоу и опустошала свои запасы батончиков «КитКат»,

чтобы поддерживать в себе жизнь. Иногда я навещала миссис Би. Но никогда не покидала территорию Эльдорадо, за исключением еженедельных визитов к психотерапевту Майре.

Я посещала сеансы с Майрой с двенадцати лет и могла откровенно сказать, что она не способствовала улучшению моего самочувствия и никогда не стремилась ставить конкретный диагноз. Единственной причиной, почему я продолжала к ней ездить, являлась угроза Пэм выгнать меня из дома, если я брошу лечение, и я ей верила.

Люди как само понятие со временем начали казаться размытыми и чужими. Нечеткими, подобно черно-белому зернистому изображению на экране старых школьных телевизоров. Бэйн застиг меня врасплох, когда заговорил со мной, потому что этого уже давно никто не делал.

Подошвы ног горели, а бедра дрожали от напряжения. Я всегда была спортивной, но только после того, что случилось со мной в старшей школе, я стала по-настоящему одержима бегом, далеко не в лучшем смысле этого слова. Пэм – она не любила, когда я называла ее мамой, утверждая, что выглядит для этого звания слишком молодо, – говорила, что после «Инцидента» я стала выглядеть «горячо», и я старалась не ненавидеть ее каждый раз после этих слов.

Джесси, ты только посмотри на свои ноги. Вот она, твоя визитная карточка. Просто постарайся раскрыться и веди себя менее странно, тогда все будет в порядке.

В такой поздний час на дороге были только мы с Шэдоу. Тем лучше. Когда прохожие узнавали меня, они либо смотрели на меня как на мусор, либо отводили взгляд, будучи уверенными, что так я не замечу жалости в их глазах. Одиночество давно стало мне другом. Настолько, что, по иронии судьбы, превратилось еще и в собеседника.

Позади меня Шэдоу начал громко пыхтеть, поэтому я остановилась, наклонилась и немного растянула мышцы, дотянувшись пальцами рук до носов кроссовок.

– Отдохни, Старина. – Я потрепала пса по холке в ожидании начала следующей песни на iPod.

– Джесси? Джесси Картер? – защебетал женский голос позади меня.

От неожиданности мое сердце пропустило удар. Я резко обернулась, вырывая наушники из ушей. Рен, девушка, с которой мы вместе посещали старшую школу, махала и бежала в мою сторону. На ней был наряд для клуба, состоящий из маленького красного платья, едва прикрывающего ягодицы, не говоря уже о двух силиконовых шарах, которые она получила в подарок на свое семнадцатилетие. Она была в тапочках и казалась пьяной, что заставило задуматься: какой идиот позволил этой двадцатилетней девушке тусоваться в баре до середины ночи. Я выдохнула. Рен жила в Эльдorado. Вероятно, она заметила меня, возвращаясь домой, и решила поздороваться. Хотя я и понятия не имела зачем.

– Я знала, что это ты, – выдохнула она, подтащив свое

пьяное расслабленное тело к моему, напряженному и взволнованному. – Обожмой, я же говорила им, что это ты.

Им? Кому им? Я уже хотела спросить, когда Рен решила еще раз вставить свое несуществующее слово «обождмой».

– Обожмой, и я не могу поверить, что твоя собака все еще жива. Ему, должно быть, уже лет двадцать, верно?

Прежняя Джесси ответила бы, что не всем же быть такими молодыми, как ее новые сиськи и нос. Но нынешняя Джесси избегала конфликтов практически любой ценой. Рен окинула меня оценивающим взглядом с головы до ног. Ее взгляд был похож на яркий прожектор, направленный на спящее животное. Мне хотелось свернуться клубочком и умереть.

Она ухмыльнулась:

– Ты сногсшибательно выглядишь, Джесси. Соблюдаешь диету Дюкана¹⁸ или что-то подобное?

Я потрепала Шэдоу за ушами и возобновила легкий бег трусцой, надеясь, что она уловит намек и перестанет вести одностороннюю беседу. К моему разочарованию, она бросилась за мной, подстраиваясь под темп.

– Не будь стервой. Поделись секретом.

Быть изнасилованной своим же парнем и кучкой его друзей. Такой опыт либо полностью отобьет аппетит, либо сожрет тебя изнутри вместе со всеми чувствами.

– Я не сижу на диете, – напряженно процедила я.

¹⁸ Диета, разработанная французским доктором Пьером Дюканом и основанная на белковой пище.

– Ну, ты великолепно выглядишь! Точнее, ты всегда выглядела прекрасно. ОЧВ. – Она создала аббревиатуру из слова «очевидно», потому что оно было слишком длинным для ее священных уст. Первые три года старшей школы я входила в список самых популярных девчонок. Практически была королевой. Опустошающие голубые глаза и невероятно длинные ноги. Меня называли Белоснежкой: темные волосы, бледная кожа, мать-ведьма. Способствовало и то, что я родилась и выросла в Анахайме. Моя мама только что вышла замуж за нефтяного магната, и все ученики Школы Всех Святых думали, что я из гетто. «Классная, но гетто», – повторял Эмери каждый раз, когда кто-нибудь спрашивал, видела ли я своими глазами, чтобы кого-то зарезали или подстрелили. После «Инцидента» мой статус резко упал. На самом деле к концу выпускного класса моя репутация опустилась даже ниже туалетных сидений и раздаточного стола в кафетерии Школы Всех Святых. Рен вместе с друзьями одна из первых начала выкашливать слово «шлюха» при моем появлении в коридорах и первая упоминала венерические болезни, когда ее просили пересесть за мою парту на химии и алгебре.

– Это действительно имеет огромное значение, – сказала я саркастически, воздержавшись от вопросов про ее жизнь. Я не хотела ничего знать.

– Хотела бы и я вкладывать столько усилий в свое тело. – Рен драматично вздохнула, еле поспевая за моей скоростью. От звука шлепков ее пьяных ног по земле мне хотелось вы-

драть себе волосы. – Но я так занята в школе, друзьями и своим новым парнем. Ты ведь знаешь, что я теперь встречаюсь с Джастином Финном?

Я этого не знала. После случившегося я перестала разговаривать практически со всеми. Единственная вещь, которую я помнила про Джастина Финна, – это то, как зубы его брата Генри касались моего бедра, когда я наконец очнулась, с головокружением и тошнотой, после того как они избili меня до полусмерти. Его смех у меня между ног, когда он пробовал беззащитную меня на вкус против воли. Я запомнила это так отчетливо, что могла все еще чувствовать его на своем теле, даже после двух прошедших лет и бесконечного количества душа. Я с силой закусилa губу, сдерживая крик.

Их здесь нет.

Они не смогут причинить тебе вред.

– Какого черта ты здесь делаешь, Рен? Сейчас три часа ночи.

– Ой. Она разговаривает! Потрясающе, – она захлопала в ладоши и злобно улыбнулась. – Так чем же ты теперь занимаешься?

В мое сознание начала проникать мысль, что я могу оказаться в реальной опасности. Дом Рен находился в другой стороне района. Дорога проходила через небольшой парк с качелями и горкой. Во время летних каникул подростки часто приходили сюда по ночам, чтобы выпить. Что значит – она здесь не одна. Я уже в невыгодном положении.

– Ты выглядишь немного бледной, Джесси. Или, может, ты просто никогда не выходишь из дома. – Она фыркнула и засмеялась. Я ускорила, наблюдая боковым зрением, как Рен машет руками в изнеможении. Шэдоу хрипел позади меня. Я мысленно умоляла его не ненавидеть меня за то, что я делаю. Но меня накрыла паника. Я хотела бежать домой, но кто, черт возьми, знает, что поджидает меня у детской площадки?

– Тебя давно никто не видел. Люди говорили, что ты загремела в психиатрическую больницу. Я подумала: о боже мой, Джесси? Ни за что. Но серьезно, Джесси, где ты была?

Рен снова попыталась меня догнать, но ее тело не выдержало. Мы с Шэдоу были выносливее. Мы профессиональные бегуны. И мы воспользовались этим преимуществом.

Ко мне возвращались обрывочные воспоминания о старшей школе, неуклюже складываясь в шаткую картинку прошлого, которую я так старалась забыть. Мы с Рен прекрасно ладили до «Инцидента» – заклятые подруги на верхушке школьной иерархии. Но потом она стала одной из них. Одной из тех, кто набивал мой шкафчик презервативами и выводил слово «шлюха» на его дверце, кто обменивался испуганными взглядами с другими учениками, когда ее ставили в пару со мной на лабораторной работе или уроке физкультуры. Я побежала быстрее.

Шэдоу заскулил. Только тогда мой мозг проснулся. Я не хотела, чтобы с псом что-нибудь случилось, поэтому схвати-

ла его на руки, все тридцать килограмм веса, и сменила курс, прыгнув между деревьями, окружавшими особняк Спенсеров.

– Эй! Куда ты собралась? – Я слышала, как Рен заняла где-то позади меня. Как только первые ветки ударили меня по лодыжкам, а кеды погрузились в грязь, я уже поняла, что пожалею о своем решении. Я чувствовала острую обжигающую боль на ногах от новых порезов, но все равно продолжала бежать.

– Дрянь, ты не сможешь долго прятаться! – ее голос звучал приглушенно и слабо, но кое-что я успела расслышать отчетливо и громко. Вытекая из моих ушей, слова заполнили собой остальные части тела, осев на душе мертвым грузом, который я буду носить с собой, как шрам, долгие годы. – Беги сколько захочешь. Все равно никто за тобой не погонится, маленькая шлюшка.

* * *

Еще одна вещь, которую я не забыла: Рен всегда была мстительной соплячкой.

Вот почему я не удивилась, обнаружив возле детской площадки припаркованный автомобиль, когда мы с Шэдоу, все в грязи, прихрамывая, двинулись по направлению к дому.

Я не могла узнать их на таком расстоянии, но видела, как они прислонились к капоту, скрестив ноги и сложив руки на

груди. На площадке было пустынно, не считая их машины: черный Camaro SS, разрисованный желтыми языками пламени.

Я уже собралась развернуться и похромать в обратном направлении, но громкий свист пронзил тишину ночи.

– Так-так. Неужели это любимая шлюшка всего Тодос-Сантоса, – пропел один из парней. – Доброе утро, Джесси.

О боже. О нет.

Страх имел свой запах. Едкий, тошнотворный запах холодного пота, и он окружил меня, как туман, проникая в рот и высасывая мою душу.

Я повернулась в сторону источника звука.

Присмотрелась.

Затем узнала и второго парня.

Генри и Нолан.

На них были привычные футболки поло, а на лице самодовольные ухмылки. Какого черта они делали в Эльдorado? Посреди долбаной ночи? И самый важный вопрос – Эмери тоже здесь? Рен. Рен их впустила. Вероятно, она тусовалась в их компании, они подбросили ее домой, но потом заметили меня и не смогли упустить возможности немного повеселиться.

подавив рвотный позыв, подступивший к горлу, я потянула Шэдоу за поводок в сторону главной дороги, молясь, чтобы по ней проезжала патрульная машина, но, зная свою

удачу, понимала, что этого не произойдет.

– Пойдем, Старина, – мой голос звучал умоляюще. Неожиданно я перестала ощущать порезы на ногах и комки грязи, облепившие мои кеды.

– Чувак, да у нее даже пес калека, – хихикнул Нолан, бросая пустую банку из-под пива, с глухим эхом покотившуюся по бетону. – Как твои ноги, Джесси? Все еще хромаешь?

Уже нет, но они чуть не сломали мне тазовую кость, когда напали на меня в выпускном классе. Мощная волна страха прокатилась по позвоночнику, мое сердце колотилось с такой скоростью, что я зажала рукой рот, боясь, что вот-вот выплуну его.

– Белое отребье и ее никчемный пес. – Засмеявшись, Генри оттолкнулся от капота машины и направился ко мне. Страх сковал мои движения, и я застыла на месте, словно статуя, чувствуя, как к щекам приливает кровь. Пламенная ярость наполняла все мое тело. Позади него, на заднем сиденье автомобиля, Рен делала вид, что поправляет макияж и не участвует в происходящем.

Шэдоу зарычал на Генри, обнажив свои желтые зубы. Я притянула его ближе к бедру, втягивая носом воздух. *Черт, черт, черт.*

– Куда ты направлялась, Джесси? На ночную смену в борделе? Давай немного повеселимся! – закричал Нолан от машины, щелкнув фонариком на телефоне и направив его на меня.

– Да, Джесси. Ты ищешь неприятности? Можем устроить тебе парочку по старой дружбе. Только не говори Эмери. Хотя на самом деле не думаю, что он бы возражал. У него теперь есть милая, приличная девушка, которая не раздвигает ноги так часто, что потом даже не может вспомнить, кто сорвал ее вишенку.

Не знаю, что было хуже: услышать имя Эмери или узнать, что он продолжал жить дальше, без каких-либо последствий. Или, может быть, худшим являлось само напоминание о том, что ночь на Индианской аллее действительно произошла. Впрочем, у меня и так было много причин помнить ее, даже помимо физических повреждений. Через несколько недель после той ночи Пэм повезла меня делать аборт в частную клинику за городом. Я умоляла ее оставить ребенка, но она была твердо убеждена, что «оно» разрушит наш несуществующий имидж в Тодос-Сантосе.

Я развернулась и побежала в сторону главной дороги.

– Стоять! – прорычал Нолан. Его рука обожгла мне плечо. Он повернул меня, приложив достаточно силы, чтобы напомнить, что способен на большее. Шэдоу снова зарычал, и Нолан пнул его в переднюю лапу. Заскулив, моя собака повалилась на землю.

Раньше я не понимала, насколько Нолан склонен к садизму. Он был симпатичным, с мягкими светлыми кудрями и карими глазами, вокруг которых, напоминая элегантный веер, сейчас собрались морщинки.

Впечатляющий. Красивый. Устрашающий.

Я отдернула руку, будто его прикосновение обожгло меня холодным огнем. Когда я уже собиралась заехать кулаком ему в нос и поднять Шэдоу, темная, яростная энергия затрещала вокруг нас, как электрический ток. Глухой удар и скрежет металла об металл пронзили воздух, и все замерло, словно кто-то нажал на паузу. Мы оба обернулись.

Бэйн. Облако песка с детской площадки кружило вокруг его армейских ботинок.

Бэйн. Он сжимал челюсть с такой яростью, что я чувствовала ее всем своим телом.

Бэйн. Удерживая голову Генри, стоявшего на коленях, в захвате, он уставился на Нолана жутким взглядом, который я смогла различить даже при таком тусклом освещении уличного фонаря. Рен оставалась в машине и, обхватив свое лицо, кричала. Только тогда я заметила, что он разнес кузов Сагаго своим пикапом, явно не случайно. Машина съехала на бетонный тротуар, примыкающий к детской площадке. От удара качнулись качели.

Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Я наконец-то подняла Шэдоу на руки и прижала крепче к своей груди.

– Что ж, неловко вышло, – Бэйн сверкнул своим волчьим оскалом. – Трезвый чувак врезался на своем пикапе в кучку жалких пьяных подростков. Интересно, кто же возьмет на себя ответственность за это?

Можно было почувствовать, как меняется атмосфера в мелочах. Тело Нолана расслабилось. Рен в поражении опустила голову. Слеза страха скатилась по щеке Генри. Нолан поднял обе руки, показывая, что сдается, отступая на шаг назад.

– Стой где стоишь, – приказал Бэйн.

Нолан послушался.

– Думаю, обмен всех устроит. Я отпускаю этого придурка, а ты не трогаешь Джесси Картер, – сказал он, вставив в губы сигарету и поджигая ее свободной рукой. Он приподнял подбородок, позволяя струе дыма вздыматься вверх.

Джесси Картер. Он знал мое имя и, вероятно, все, что еще следовало обо мне знать. Как же я была глупа, думая, что сбегу от него, утаив информацию.

Меня охватило дикое облегчение, когда Нолан повернулся лицом к здоровому блондинистому серферу, совершенно забыв обо мне. Я поудобнее перехватила Шэдоу, смотря на золотистые локоны Нолана сзади и гадая, хватило бы у меня сил схватить их и разбить его голову о бетон под нашими ногами.

– Бэйн Проценко? – Нолан почесал свой гладкий лоб.

– Подойди. – Бэйн согнул свои увешанные кольцами пальцы, держащие сигарету, подманивая парня. Генри все еще стоял на коленях, всхлипывая. Бэйн так сильно сжал челюсть, что я подумала, что его зубы скоро вылетят изо рта. Нолан подошел к ним и весь сжался, отражая своей позой

внутренний настрой.

– В чем дело? Мы просто веселились, – он говорил как хороший мальчик, каким, вероятно, его до сих пор считала мать.

– А Картер тоже было весело?

– Да! – закричал Генри, задыхаясь под хваткой Бэйна. – Мы знакомы. Мы учились в одной школе. В-верно, Джесси?

Я покачала головой. Может, у меня бы и не хватило смелости убить их, но я никогда не стану их защищать.

– Я ходила с ними в одну школу, это верно, но они приставали ко мне.

Не знаю, собирался ли Бэйн меня шантажировать или просто поступал правильно, но это не имело значения. Прямо сейчас он помогал мне, и я нуждалась в нем. Нолан остановился в нескольких шагах от Бэйна с Генри.

– Что происходит, приятель? Тут не на что смотреть. Уверен, у тебя есть дела поважнее, чем портить нам вечер. – Голос Нолана ничего не выражал. Он пытался подавить гнев, который испытывал из-за того, что его прервали.

– Снежинка, как нам с ними поступить? – Бэйн сказал «Снежинка», будто у нас существовали прозвища друг для друга и «нам», словно мне было привычно и комфортно в его обществе. Как будто *мы* часто проводили время вместе. Как будто *мы* были друзьями.

Я ни с кем не встречаюсь. Моя работа несовместима с отношениями. Это долгая история. Давай будем друзьями.

Через месяц после «Инцидента» я вернулась в школу, чтобы окончить выпускной класс и получить диплом. Каждый день я видела Генри, Нолана и Эмери. Я встречала их в кафетерии, в классе и на любых мероприятиях в городе, куда меня затаскивали Пэм и Даррен, пытаюсь влиться в общество. Эмери, Нолан и Генри вели себя так, будто меня не существовало, и они проделали такую основательную работу, что к концу года и я поверила в это. Но мы всегда лишь притворялись, что не знаем друг друга. А я устала притворяться, что ничего не произошло.

Это случилось и причинило боль. И все еще причиняло боль, спустя годы. И так будет продолжаться на протяжении всей моей жизни.

Я сделала шаг вперед.

– Что вы делаете в Тодос-Сантосе?

Нолан повернулся ко мне. Генри поморщился. Тишина таила в себе вещи, которые я не хотела знать.

– У нас вынужденные каникулы, – Генри нарушил молчание. Он всегда был слабее Нолана и Эмери. Хрупкое, ненадежное звено, которое порвется первым.

– Что вы сделали?

– Не твое дело, – огрызнулся Нолан.

– Что. Вы. Сделали? – Голос Бэйна звучал устрашающе.

Как холодный нож, скользящий по коже и своим кончиком вспарывающий плоть. Роман Проценко имел опасные связи в Тодос-Сантосе. Даже я об этом слышала. Он входил в число

тех, с кем тебе точно не захочется ссориться.

– В кампусе произошел инцидент, – слова прозвучали так, будто Нолан хотел проглотить их обратно. Трое золотых мальчиков Школы Всех Святых учились вместе, в колледже на Восточном побережье. Это одно из условий сделки Даррена и Пэм с их родителями.

Мы хотим, чтобы ваши дети учились как можно дальше от нас. Будто бы это как-то мне помогло.

– Инцидент, связанный с?..

– Девушкой, – выдавил Генри сквозь зубы. Мое сердце разбилось на кусочки. Они изнасиловали кого-то еще? – Мы ничего не сделали. Поэтому нас отстранили только на неделю. Она была под кайфом. В любом случае мы просто немного подурачились с ней. Расследование продлилось недолго, и нас отпустили.

Под слабым искусственным светом глаза Бэйна отыскивали мои. Он представлял не меньшую опасность, чем эти парни. Если уж на то пошло, они были скорее гиенами, а он львом, спокойным и смертоносным.

– Так как же мы с ними поступим, Джесси?

– Я хочу, чтобы они больше никогда ко мне не приближались. Не разговаривали, не касались, не дышали в мою сторону. – Мои зубы стучали, хотя не было холодно. Я не гордилась тем, что использовала Бэйна, дабы удостовериться, что парни от меня отстанут, соблазн был слишком велик. Генри и Нолан – отъявленные хулиганы. Как только они чувствова-

ли запах слабости, они атаковали. Они бы продолжили провоцировать меня до самой смерти, если бы у них не нашелся достаточный стимул не делать этого.

– Вы ее слышали. Считайте это вашим официальным судебным запретом на приближение, – спокойно произнес Бэйн.

– Прости, но ты кто, черт побери, такой, чтобы указывать нам, что делать? – выплюнул Нолан.

Бэйн освободил Генри из удушающего захвата и направился к Нолану. Воздух был насквозь пропитан угрозой. Мир казался до ужаса обыденным на фоне невероятной атмосферы, окружающей Романа Проценко. Будто он был больше, чем место, в котором родился. Он схватил Нолана за горло и сжал его.

– Если вы еще хотя бы раз подойдете к ней, я лично позабочусь о том, чтобы это было последним, что вы сделаете в этом городе. Ваши семьи будут изгнаны. Ваши мечты о колледже умрут. Я задействую все свое влияние в Тодос-Сантосе, чтобы превратить ваши жизни в сплошной кошмар в стиле Фредди Крюгера. Сразу предупреждаю: я очень хорошо разбираюсь в кошмарах. Моя жизнь отличалась от вашей, и я отлично знаю, что вы, богатенькие детки, сможете пережить... *а что нет.*

Я бы многое отдала, чтобы увидеть лицо Нолана в тот момент, но он стоял ко мне спиной. Зато я отчетливо слышала, как Генри подавился своей же слюной.

– Дружище, давай убираться отсюда! Пошли! – закричал он одновременно с плачущей Рен.

– Нолан, не будь идиотом!

Нолан стоял, подобно Пизанской башне, перекосившись и пошатываясь, впервые испытывая на своей шкуре урок, который преподавал мне, – все мы слабые и хрупкие. Бэйн разжал руку на его шее и подтолкнул парня к машине.

– Вы испытываете мое терпение, – прорычал белокурый мамонт. – При любых других обстоятельствах вы бы не выбрались из этого парка живыми.

Нолан бросил на меня прищуренный взгляд:

– Ладно. С этого момента ты для нас мертва. Довольна?

Едва ли. Но я хотела, чтобы они уже наконец-то отпустили меня, тогда, возможно, и я смогу однажды отпустить их.

– Ты придурок, – прошипела я, уткнувшись лицом в шерсть Шэдоу.

– А ты шлюха. Просто помни об этом, когда твой уличный бандит заменит твою задницу кем-то, кто не напичкан венерическими заболеваниями.

Бэйн наградил Нолана ударом в лицо. Все случилось так быстро, он пошатнулся и упал, ударившись задом об бетон. Бэйн снова ударил его в лицо кончиком сапога, и я слышала, как что-то хрустнуло. Я засмеялась, в основном от шока. Генри, спотыкаясь, подбежал к Нолану, схватил его за ворот футболки и понесся в сторону автомобиля.

– Дружище, пора сваливать! Сейчас же!

Он затолкал Нолана внутрь и бросился к водительскому сиденью, пытаясь завести машину несколько раз, прежде чем мотор взревел. Он с визгом развернулся, слегка задев пикап Бэйна, прежде чем покинуть место происшествия, усыпая дорогу за собой мелкими кусочками разбитого капота. Я провожала автомобиль взглядом, полным озорных искорок. Меня так заорожило произошедшее, что я даже не заметила, что Бэйн стоит прямо передо мной.

Вот он, со своим огромным мускулистым телом. С зелеными глазами, похожими на морозную мяту, темными и пугающе живыми.

При жестком свете я могла различить старые проколы от пирсинга. Нижняя губа. Нос. Бровь. Он был высоким, крепким и молодым. Царственен в своей красоте. Единственное, что омрачало его благородную внешность, – татуировки и борода.

Мой взгляд опустился к костяшкам его пальцев. На них тоже расположились татуировки, скрывая каждый дюйм кожи. Я заметила темное пятно между ними. *Кровь Нолана.*

Я подняла взгляд.

Не знаю, было ли дело в воздухе, пропитанном запахом травы и адреналином, или в очаровании ночи, которая пообещала оставить в секрете произошедшее между нами, или в том факте, что он спас меня, но в этот самый момент я не испытывала к Бэйну ненависти, которую питала ко всем остальным.

Мой рот открылся сам по себе, и слова вылетели наружу:
– Спасибо.

– Что мне еще нужно сделать, чтобы ты согласилась выпить со мной кофе? – Он тяжело дышал, продолжая разговор с того места, где мы остановились. Тогда я сказала, что ему нужно спасти мне жизнь.

Думаю, он только что это сделал.

– Ты должен сказать, зачем тебе это нужно.

– Я хочу помочь тебе, – сказал он, глядя мне в глаза.

Хочу. Помочь. Тебе.

Шэдоу заерзал у меня на руках, пытаюсь на расстоянии обнюхать Бэйна. Удивительно, что не пробовал откусить парню голову, как он обычно делал. Шэдоу знал, как я отношусь к мужчинам.

– Не хочу показаться грубой, но кто ты, черт возьми, такой, чтобы помогать мне, да и кто вообще сказал, что мне нужна помощь? – Я опустила подбородок, осознавая, что уже многие годы не обменивалась таким количеством слов с мужчиной. Я находилась на грани того, чтобы оттолкнуть его. *Как он смеет?* В то же время хотелось броситься к нему и упасть в объятия. *Насколько он хорош?* Никто никогда не пытался мне помочь. Даже Даррен и Пэм просто хотели избавиться от меня. Естественно, я осталась стоять на месте. Неприкасаемая никогда никого не касается.

Бэйн сделал шаг ко мне. Я не отступила.

– Я слышал о тебе. Слышал, что с тобой сделали Эме-

ри, Нолан и Генри. И я просто скажу, что в моем близком окружении есть человек, переживший нечто подобное. Такое дерьмо может случиться где угодно, даже рядом с твоим домом, – он указал на место, где до этого был припаркован автомобиль парней.

Я попыталась вспомнить все, что знала о нем. О его плохой репутации. Но также вспомнила, что именно он смог избавить Школу Всех Святых от игры «Вызов». И что со мной он всегда был любезным и добрым.

– Не думаю, что ты до конца понимаешь, Снежинка. В этом вопросе у тебя нет права голоса. Я помогу тебе, хочешь ты этого или нет. И я готов разбить лицо каждого жителя Тодос-Сантоса, если это поможет тебе чувствовать себя в безопасности, даже свое. Я не хочу тебя трахнуть, Джесси. – Он тяжело дышал, и в моем воображении он уже обхватил мои щеки своими мозолистыми ладонями, а я даже не дрогнула. В моих мыслях его теплое дыхание с ароматом корицы мягко коснулось моего лица. В моей голове между нами не было этой мертвой зоны, и наши голоса не отдавались эхом на фоне ночной пустоты, потому что я не была сломлена и напугана. – Я хочу спасти тебя.

– Но... – начала я. Но он не позволил продолжить.

– Они называли тебя шлюхой. То, что они сделали с тобой, непростительно. И ты будешь спасена, слышишь? Я спасу тебя, потому что не смог спасти другую девушку.

Больше я не задавала вопросов.

Я не сомневалась.

Я просто приняла это, как мы принимаем наличие неба над нашей головой, зная, что его намерение гораздо сильнее моего сопротивления.

Бэйн мне помог. Он защитил меня.

И, к сожалению, тем самым он уже сделал для меня больше, чем кто-либо другой в моей жизни.

Все, чего он хотел, – выпить со мной кофе. Где-нибудь в общественном месте. Единожды. Я смогу это пережить. Смогу.

Подумав об увядающей миссис Белфорт и о том, как одиночество заставило меня бежать от воспоминаний и кошмаров посреди ночи, я кивнула. Он жестом пригласил меня сесть в его пикап, но я покачала головой, опуская Шэдоу на землю. Мы прогуляемся. Бэйн кинул мне в руки свой мобильный.

– Пароль – пять, три, три, семь. Держи номер 911 на быстром наборе. Я поеду медленно. На всякий случай оставлю пассажирскую дверь открытой. Но ты не пойдешь домой сама, пока твои ноги в таком состоянии. – Он посмотрел вниз, и я проследила за его взглядом, обнаружив, что мои лодыжки и кеды были в убитом состоянии, а маленький перочинный ножик почти вывалился из пропитанного кровью носка. Я медленно кивнула, заправляя нож обратно. Потом набрала 911, занесла палец над кнопкой вызова и только тогда залезла в пикап.

Шок заставил меня так поступить.

Нынешняя Джесси никогда не садилась в чужой автомобиль.

– Один вопрос, Бэйн, – сказала я после того, как дала инструкцию, куда ехать. – Что ты делал здесь сегодня ночью? У нас закрытый район.

Он заглушил двигатель, откинулся на сиденье и повернул голову в мою сторону.

– Каждый четверг я приезжаю в Эльдorado, чтобы кое с кем перепихнуться. У меня есть электронный ключ, – он показал маленькое черное устройство.

Когда мы подъехали, я, проглотив комок в горле, начала выбираться с пассажирского сиденья вместе с Шэдоу и споткнулась. Моя нога задела кожаное сиденье в пикапе Бэйна, оставив на нем кровавый след.

И я подумала, что это иронично.

Он был самым влиятельным человеком, которого я знала, и все же именно я пометила его раньше, чем он это сделал со мной.

Глава четвертая

Бэйн

В ту же минуту, как Даррен написал мне, что Джесси отправилась на пробежку, я вылез из кровати, прыгнул в пикап и погнал в сторону трассы.

Ладно. Я перефразирую: вылез из кровати Саманты – моей любовницы из Эльдорадо и одновременно юриста, консультирующего меня при необходимости, – и направился к трассе.

Часы показывали половину третьего долбаного утра. Если у Снежинки было желание умереть, она усердно приближалась к его исполнению.

Я подъехал как раз вовремя, в лучших традициях сценария «*deus ex machina*»¹⁹. В качестве главных действующих лиц передо мной предстали двое говнюков, одна капризная девчонка и Джесси с собакой.

Она была настолько сбита с толку и напугана, что спокойно приняла объяснение моего внезапного появления и даже

¹⁹ *Deus ex machina* (с *лат.* «бог из машины») – широко используемый в коммерческом кинематографе прием, когда в последний момент героев, оказавшихся в безвыходной ситуации, ожидает чудесное спасение с привлечением внешнего, ранее не задействованного в сцене фактора/человека.

не усомнилась в моих словах. Когда я высаживал ее у дома, Джесси чуть не упала, и я притворился, что не заметил, дабы еще больше не смущать ее. В обычной ситуации я бы не промолчал, но сейчас были особые обстоятельства.

Тонкие струйки крови на моем кожаном сиденье напомнили мне, насколько она сломлена и насколько аккуратно мне следует вести себя рядом с ней.

Я трахал множество женщин за деньги. Но опыта в обратном процессе у меня еще не было.

И все же в том, что произошло, присутствовал хотя бы один плюс – она согласилась встретиться со мной. Вот только между серфингом и бизнесом у меня практически не оставалось времени на кофе, поэтому наша встреча отнесется к категории деловых.

Обычно под деловой встречей я подразумевал вымогательство. Но это все одно дерьмо.

На следующий день я пригласил Джесси в «Кафе Дьем» в четыре часа. То, что она пришла, уже само по себе являлось чудом. Она скользила между занятыми столиками и суматошной барной стойкой в своем привычном жутком наряде откуда-то из девяностых: в черной бейсболке, мешковатых джинсах и этой гребаной черной толстовке. Самый безвкусный в мире наряд, призванный скрыть то, кем она являлась на самом деле.

Вся моя жизнь была залогом этой встречи с тобой.

Поэт. Исследователь. Романтик. Принцесса, которая чтит традиции и убивает драконов.

Дополнительный бонус – она явно могла заставить меня выражаться чертовски эмоционально.

Даррен Моргансен рассказал мне, что с ней случилось. В старшей школе Джесси встречалась с Эмери Уоллесом, наследником сети «Уоллес», главного конкурента «Волмарт» на Западном побережье. Эмери – типичный избалованный козел, с толстым кошельком и нулевым представлением о том, из чего состоит реальная жизнь. Тот, у кого хорошая одежда, крутая тачка, но паршивые друзья. Ему нравилась сама идея – встречаться с самой хорошенькой девушкой в школе. И с девственницей, ни больше ни меньше. В ту ночь, когда Эмери предположительно должен был сорвать «джекпот» и лишить невинности свою подружку, он установил в комнате камеру, чтобы заснять домашнее видео.

Вот только он никогда не лишал ее девственности. Не было крови. Не было никаких других признаков. Джесси Картер оказалась так же невинна, как использованный презерватив.

Если что и запечатлела камера, основываясь на слухах, дошедших до Даррена, так это то, что девушке было скучно, она практически зевала во время его толчков.

Эмери выбрал сомнительный способ показать ей свои оскорбленные чувства. Несколько недель спустя он похитил

ее у перекрестка, где она стояла в ожидании, пока загорится зеленый, и вместе со своими лучшими друзьями отвез ее в пустынный переулок, где навсегда пометил ее. Джесси знала, что у учеников ее школы будет прекрасный повод для веселья, если правда всплывет наружу, поэтому их семьи заключили сделку: парни должны держаться подальше от Джесси и после школы покинуть город, чтобы поступить в колледж за пределами штата, а она в свою очередь пообещала, что никогда не расскажет про «Инцидент». Никогда. Сама мысль о том, что кто-то из родителей Джесси согласился на эту сделку, пробуждала во мне желание задушить их обоих.

Такова ее история. Домашнее секс-видео. Групповое изнасилование. Тупые родители.

Встреча лицом к лицу с Ноланом и Генри, а еще понимание того, что я не могу размыть их лица об камень, пока их дыхательные пути не заполнятся кровью, убили частичку меня, которой я действительно дорожил. Ту часть, где были надежно заперты мои моральные принципы.

Но хуже всего в нашей ситуации было то, что Джесси, может, и не хотела, чтобы к ней прикасались, но где-то глубоко внутри она была маленьким чувственным эльфом. Прекрасная голубоглазая сирена, плывущая к берегу, за которой я наблюдал несколько лет назад, все еще жила где-то внутри ее. Я не мог игнорировать этот факт, даже учитывая худи и бейсболку. Джесси направилась ко мне, маршируя как пленный солдат – гордый, но побежденный, – ее глаза при-

кованы к невидимой точке за моей головой. Она остановилась прежде, чем мы смогли почувствовать запах друг друга. Прежде чем чернила на ее шее могли напомнить ей, что я тоже грешник.

– Я не люблю кофе, – решительно сказала она. Ни «*привет*», ни «*как дела*». Социальные нормы полетели к чертям.

– Как и я.

Она подавила робкую улыбку, опустив взор вниз, на свои кеды. Увидев, как ее зубы впиваются в нижнюю губу, я почувствовал, что мой член дернулся, прижимаясь к ткани шорт для серфинга. Я даже не стал заморачиваться по этому поводу. У меня было больше шансов подкатить к мертвой вампирше, чем когда-либо шлепнуть Джесси по заднице. И тем не менее – *черт*.

– Если будешь хорошо себя вести, получишь смузи. Но сначала мне необходимо кое-что сделать. Поехали. – Я направился в сторону выхода, кивком прощаясь с Гейл и Бекком, которые стояли за стойкой.

Снежинка последовала за мной.

– Куда мы идем?

– Мне нужно закончить одно дело.

– Звучит подозрительно.

С этим не поспоришь.

– У некоторых из нас нет богатеньких родителей, чтобы купить себе дорогу в жизнь. Да ладно, будет весело.

Или нет. Не то чтобы у нее имелся большой выбор за-

нятий, а мне действительно следовало выполнить работу. Джесси подстроилась под мои шаги, перейдя на легкий бег. Я гораздо выше и гораздо быстрее, но у нее хороший запас выносливости. Достав сигарету, я зажал ее губами, прежде всего потому, что совершенно не знал, о чем с ней разговаривать.

– Ты куришь слишком много запретного. – Она отделила прядь своих волос и поднесла их ко рту, пожевывая кончики.

– Не волнуйся, это легально в Калифорнии, – сказал я, не вынимая сигарету, и поджег ее.

– Но не в общественных местах. Или ты таким образом напрашиваешься на арест?

– Не напрашиваюсь. Испытываю судьбу, быть может. – Брайан Диаз, местный шериф, был у меня в кармане. Я жарил его жену каждый вторник в качестве одолжения за то, что он закрывал глаза на мои махинации. Я мог творить что угодно, за исключением обезглавливания мэра посреди парка Либерти, практически без последствий. К тому же Грир сексуальна, так что это не было пыткой.

Мы шли по набережной, два маловероятных союзника. Я был парнем, которого все знали, а она призраком, жаждущим забвения. Группа девушек в бикини-топах в компании Дейзи Дьюкс прошли мимо нас, ударились со мной кулаками, соблазнительно улыбаясь и разглядывая мою спутницу. Сначала она ничего не сказала. Но потом, когда Саманта, юрист, спеша в своем кремовом костюме на встречу или ку-

да-то еще, подмигнула мне и засмеялась, столкнувшись с моим плечом, Джесси наморщила лоб.

– В этом городе осталась хотя бы одна женщина, с которой ты не спал?

– Ага. Ты.

– И именно поэтому я сейчас здесь?

– Как я уже говорил, моя работа не подразумевает наличие отношений, а ты не производишь впечатления девушки на одну ночь.

Мы прошли мимо закусочной, тату-салона и киоска с сицилийским мороженым. Солнце ослепительно сияло, небо переливалось голубыми оттенками, а улыбки вокруг нас светились искренностью. Жизнь похожа на огромный, жирный солнечный луч, но Джесси дрожала, стоя на темной полосе в тени, отказываясь присоединиться к веселью.

– И почему?

Боковым зрением я заметил, как она крутила лямки рюкзака, чтобы занять чем-нибудь руки. Ей было непросто. Выйти на улицу. Быть на виду. Я замедлил шаг, давая ей время прийти в себя.

– Что почему? – Затянувшись в последний раз, я швырнул окурок на песок. Разговор налаживался, так что в нем больше не было необходимости.

– Почему твоя работа не позволяет тебе встречаться с девушками?

– Потому что я сплю с женщинами, с которыми не должен,

чтобы мне сходило с рук то дерьмо, которым мне не следовало бы заниматься.

Я не видел смысла скрывать от нее правду. Рано или поздно она бы услышала ее от кого-нибудь другого. Когда мы остановились перед новым магазином, открытым всего несколько дней назад приедем из другого города, я уже знал, что поступил правильно. Ее лицо из раздраженного превратилось в... во что же? Завороженное. Озорное. Возможно, я даже увидел капельку страсти. Жюри в голове окончательно не определилось.

Вся моя жизнь была залогом этой встречи с тобой.

Внезапно на меня обрушилась потребность сломать стены между нами и узнать, какой она была до «Инцидента». Эта цитата не могла относиться к нам, так ведь? Я не тот человек. Я всего лишь подонок, использующий ее, чтобы заполучить свой серф-парк.

– Ты работаешь в эскорте? – Ее и без того большие глаза еще сильнее расширились. Я дотянулся до лямки ее рюкзака и осторожным движением, не касаясь самой девушки, поправил ее, а затем ухмыльнулся.

– Я предпочитаю термин «сексуальный сантехник».

Она фыркнула.

– О боже.

– Да, так меня тоже иногда называют. Главное, что ты аб-

солютно точно не получишь бесплатно то, за что другие платят хорошие деньги и оказывают мне услуги. Послушай, тебе нужен друг, а мне бариста и собеседник, который не будет видеть во мне бога. В этом есть смысл, понимаешь?

Она впервые улыбнулась по-настоящему, и, черт возьми, Джесси Картер могла зарабатывать на жизнь своей улыбкой. Благодаря ей она вполне способна установить мир во всем мире, и я не преувеличивал. И эти ямочки на щеках. Они запачкали ее бледное гладкое лицо, подобно пятну грязи на снежном покрове.

– Подожди здесь. Я вернусь через десять минут. Потом куплю тебе коктейль в благодарность за то, что позволила мне спасти твою задницу, – я кивнул в сторону магазина позади себя.

– Я пойду с тобой, – сказала она, и я не удивился. Она не мерцающая свеча. Она – пламя, чей огонь погасили. Но я собирался снова зажечь ее, даже если это станет последним, что я сделаю. Я приложил ладонь к воображаемой стене между нами.

– Ни за что, Джоз.

– Почему нет?

– Потому что тогда формально ты станешь соучастницей преступления, но ни один смузи в мире не стоит судимости. Поверь мне.

Вместо того чтобы продолжить задавать вопросы, она просто кивнула, развернулась и села на первую ступеньку

лестницы, ведущей к магазину. Я несколько секунд смотрел на нее, прежде чем взял себя в руки и толкнул стеклянную входную дверь.

Я захлопнул ее за собой, чувствуя, как улыбаюсь против воли.

Нет, она не снежинка.

Она снежная буря.

* * *

Секрет того, как быть засранцем, заключался в том, чтобы не быть засранцем.

Вероятно, мне стоит объяснить. Конечно, существуют такие люди, как Вишес. Внешне они грубые. Но подобные ему уже родились с миром у своих ног. А для таких, как я, все было не так просто. Когда мне что-то требовалось, то приходилось прогрызть путь в людские сердца и милосердие. Покорение людей стало своего рода искусством. Мне приходилось бороться за расположение, будь это мои коллеги, враги или интрижки на одну ночь. Черт, даже приходилось бороться за любовь матери.

Поставим на паузу.

Перематываем назад: Соня родила меня двадцать пять лет назад в Санкт-Петербурге. Ее наполовину аристократическая семья утратила свое высокое положение одновременно с падением Советского Союза, лишившись большей части

своих богатств. Мой биологический отец был членом братвы. Если вы спросите, что такая хорошая девочка, как моя мама, хотела от бандита, ответ будет – ничего. Ее изнасиловали. Так я и появился на свет, и это же стало моим главным препятствием на пути завоевания ее любви. Моя мама решила покинуть страну и уехать учиться в Штаты. Она больше не относилась к богачам, но у нее хватало денег, чтобы удерживать нас на плаву и закончить школу. С трудом. Она стала детским терапевтом. Я всегда задумывался, сделала ли она этот выбор из-за меня, хотела ли убедиться, что я не пойду по стопам отца, и поэтому изучала, как справляться с испорченными детьми. Возможно, я преувеличивал. Думаю, что правда оставалась где-то посередине.

Мы переехали в Штаты, когда мне было три года, поэтому я мало что помнил о России. У мамы едва хватало денег на удобные туфли, но зато она совершала невероятное количество звонков за границу и каждый день разговаривала со своей семьей, крутя в руках телефонный провод, и сплетничала на русском. Ее лицо светилось, как рождественские огни, каждый раз, когда она узнавала очередные жаркие сплетни о своих подружках, Любе или Свете. Долгое время я задавался вопросом, что, черт возьми, вообще заставило ее переехать, если она до сих пор была помешана на Санкт-Петербурге. Но ответ ясен, как гребаный день.

Я. Я являлся причиной. Она желала для меня лучшей жизни.

Возможно, я не очень отчетливо помнил Россию, но зато прекрасно помнил Америку. Каждую мелкую деталь. Помнил выражение лиц, взгляды и сморщенные лбы, которые появлялись на лицах людей всякий раз, когда моя мама впервые открывала рот в новом месте. Она заикалась, краснела и извинялась за свой сильный акцент, который с каждым годом нашей жизни здесь становился слабее.

Я никогда не забывал то, как у людей исчезали улыбки с лица всякий раз, когда она пыталась объяснить со службой поддержки или на собеседованиях. Поэтому я поклялся, что стану очаровательным, милым и добрым. Стану любезным, вежливым и слишком соблазнительным, чтобы мне отказать. Я мог быть устрашающим в глазах мужчин, но женщины – это совсем другая история. Видите, у меня были небольшие проблемы с мамой, и поэтому я стремился очаровывать женщин на автопилоте.

Прийти. Увидеть. Победить (а затем вернуться, но уже в совершенно иной роли).

Снимаем с паузы.

Я молча запер за собой дверь магазина, затем подошел к прилавок, перебирая рукой ту фиговню, что на нем лежала. Что они вообще продавали? Похоже на сувенирную лавку. Снежные шары и ручки с эмблемой «Тодос-Сантос». Кому нужны такие вещи? Это ведь не проклятый Нью-Йорк. Обычный пляжный городок в самой заднице Калифорнии. Я бросил свою бейсболку на прилавок и ухмыльнулся.

– Милое местечко.

– Благодарю, – женщина около тридцати лет поднялась со стула за прилавком. Коренастая, с крашеными рыжими волосами и карими глазами. – Вы ищете что-то конкретное, сэр?

– Да. Свои деньги за «крышу».

– Простите?

– Плата за защиту, – сказал я громко и медленно, будто проблема была в ее слухе, а не в словах, вылетевших из моего рта. – Если говорить точнее, двадцать процентов от вашей арендной платы. Что, я думаю, составляет 1200 баксов. На данный момент принимаем только наличку, – я растянул губы в волчьей улыбке. – Кстати, я Бэйн.

Она ахнула, прижав руку к груди и крутя ожерелье на шее назад-вперед.

– Я... я не понимаю. От кого мне нужна защита?

– От *меня*.

– Н-но почему?

– Потому что вы находитесь на моей территории, следовательно, играете по моим правилам. – Мне нравилось произносить эту речь. В духе крутого парня. – Это мой пляж. Я привел сюда профессиональных серферов. Я устраивал ежегодные соревнования, вложил капитал и привлек туристов. Видели скейтеров снаружи? Их тоже привел я. Я причина, по которой вы захотели открыть здесь магазин, так что считайте меня негласным арендодателем. У меня есть бизнес-парт-

нер, Хейл Рурк, и мы с ним работаем по очереди.

Она кивнула, переваривая информацию. Ее лицо выражало гнев на грани с ужасом. Я же улыбался и вел себя непри-
нужденно и мило. Очень, *очень* мило. Пока что.

Она сглотнула:

– Что будет, если я откажусь платить?

Я облокотился на прилавок. Она не отступила, потому что я ее заинтересовал. Я выглядел пугающе, но скорее как тот, кого стоит опасаться в постели, а не в переулке.

– Произойдут несчастные случаи. Вы даже не представляете, насколько неуклюжим я могу быть.

– Какие несчастные случаи?

– Если бы я знал, они бы не были случайными. Понимаете, о чем я?

– Вы... вы сделаете мне больно?

Я сжал ткань своей потрепанной, пострадавшей в прачечной рубашки бренда «Биллабонг».

– Я никогда и пальцем не притронусь к женщине, если только это не поможет ей кончить. Единственное, что меня беспокоит, это ваш бизнес, мэм. Или его отсутствие, если вы опоздаете с арендной платой.

– Вы со всех на побережье собираете деньги?

– Детка. – Я приподнял ее подбородок указательным пальцем, пристально посмотрел на нее и для верности отбросил хорошие манеры. – Даже не думай, что тебя выделили, потому что ты тут новенькая. Все платят одинаковые взносы.

Возможно, во мне говорил марксист, но меня всегда привлекала идея настоящего равенства. Просто я никогда не думал, что такое возможно. Это все равно что представлять себе трехчасовой непрерывный оргазм – звучит великолепно, но еще и чертовски невозможно. Тем не менее я не лгал. Я собирал деньги за протекцию с каждого придурка на побережье, за исключением Эди Рексрот. Мне нравилась Эди, но я не брал с нее денег не из-за личных привязанностей или чего-то такого. Она хороша, но, как и все остальные, являлась частью бизнеса. Я предпочитал игнорировать Breakline, потому что не хотел связываться с ее мужем и тремя его друзьями. Они имели слишком большую власть в этом городе, а я был умнее своего эго.

Рыженькая моргнула, наконец-то придя в себя. Она отступила от прилавка, ее дрожащая рука потянулась к мобильному телефону. Я покачал головой и цокнул, демонстративно вздыхая над ее жалкой попыткой.

– На твоём месте я бы этого не делал. В местном отделении полиции у меня хорошие друзья. Появились во время регулярных арестов, дважды в месяц, в возрасте между восемнадцатью и двадцатью одним годом. – Прежде чем я стал Бэйном Владельцем Бизнеса, я был Бэйном Неуравновешенным Мудаком. Рыжей повезло встретить нынешнюю версию меня. Чувак с испытательным сроком, который просто пришел за тем, что принадлежало ему. Этот пляж был мертв, пока я не вмешался. Это неоспоримый факт.

– Кто ты такой?

Обычно я не имел привычки повторять свои же слова, но из вежливости и по той причине, что я так внезапно к ней нагрязнул, я сделал исключение.

– Меня зовут Роман «Бэйн» Проценко, и я управляю этим городом. Ты платишь, или магазинчик закрывается. Других вариантов не предусмотрено. Никакой третьей скрытой альтернативы. Выхода нет. И не стоит волноваться. Я о тебе позабочусь. Пришлю людей, которые займутся пиаром и будут обеспечивать безопасность и процветание магазина. Деньги собираем второго числа каждого месяца. – Я постучал костяшками пальцев по прилавку, подмигивая, в то время как ее рот медленно раскрывался. – Приятно вести с тобой бизнес.

Когда я вышел из магазина, обнаружил Джесси на той же ступеньке, где ее оставил. Она оторвала взгляд от книги, а я тут же осознал пару вещей:

1. Предположительно она читала что-то в красной обложке. Что-то классическое, судя по названию.
2. Внутрь была вставлена другая книга. И мой взгляд остановился на абзаце, который я не должен был увидеть.

Он провел своими большими ладонями по ее бедрам и широко раздвинул их, прижимаясь своим горячим языком к ее холмику. «Надеюсь, тебе нравится грубость, моя милая, потому что совсем скоро я отымею тебя, как шлюху».

Глава пятая

Джесси

Даже если прежняя Джесси умерла в ночь «Инцидента», ее отголоски все еще существовали во мне. В основном ее плотские потребности. Думаю, что в этом же крылась одна из причин того, что я не была склонна к суициду. Я никогда не погружалась в оцепенение или что-то в этом роде. Я злилась, грустила, впадала в отчаяние, но главное – я испытывала чувства. И больше всего нужду.

Я всегда нуждалась в любви – не в этом ли таилась причина моего стремления зависать с глупыми друзьями Эмери, хотя я знала, что им нет до меня дела?

Просто хотела убедиться, что держу это при себе. Мои потребности оставались моими. Никто не должен был о них знать. Тем более он.

– Он собирался отыметь ее, как шлюху? – Бэйн шел за мной вприпрыжку, смех в его голосе по какой-то причине отдавался вибрацией в моей груди. Мои уши горели. О чем я только думала, читая эротический роман на улице? Я рассчитывала, что никто не заметит, поскольку это издание было замаскировано под совершенно приличную классическую книгу. Я не думала, что Бэйн выйдет из магазина спустя

пять минут. Разве он не говорил, что потребуется десять? Насколько же хорош он в вымогательстве?

– Заткнись! – Я закрыла лицо ладонями. – Боже, это так унижительно. Пожалуйста, просто отпусти меня домой.

Он пробежал немного, развернулся ко мне лицом и пошел спиной вперед, раскинув руки в стороны, его улыбка была такой самодовольной, что мне захотелось содрать ее с его жутко привлекательного лица.

– Что насчет обещанного смузи?

– Это было до того, как ты высмеял мои литературные предпочтения.

– Перестань так говорить.

– Как так?

– Как будто тебе восемьдесят лет. Что тебе добавить в коктейль?

По привычке мне непроизвольно хотелось ответить, что я предпочитаю одиночество в своем смузи, развернуться и уйти. Незрело, я знаю, но мне не хватало опыта в том, что касалось общения. Особенно с парнями. *Особенно с парнями*, похожими на Бэйна, – татуированными дикарями со смекалкой и неуместной красотой.

– Клубнику.

– Что еще?

– Дыню.

– И?

– Банан.

– Хм-м. Банан. – Это не прозвучало так неприлично и отвратительно, как если бы то же самое произнесли Нолан или Генри.

– Так утонченно. Юмор в лучшем виде. – Я закатила глаза и бросила в него кошелек. Единственное, что нашлось под рукой. Он перехватил мой бумажник, отлепив его от своей груди, и без колебаний открыл его, продолжая идти спиной вперед.

– У тебя с собой не так уж много налички.

– Зачем она мне?

– Никогда не знаешь, кого придется подкупить, чтобы он не разболтал всем о твоих *литературных предпочтениях*. – Его улыбка стала шире, а лицо засияло от удовольствия.

– Думаю, ты забываешь, что моя репутация не может стать еще хуже, пока я не начну убивать щенков. Неприкасаемая, которую уже все коснулись, – пробормотала я, опустив плечи. Это чистая правда, и холодный пот от ее осознания уже скользил по моему позвоночнику при одной только мысли о взглядах, которыми меня наградят, как только я войду вместе с Бэйном в кофейню. Мы остановились перед «Кафе Дьем». Он кинул мне обратно кошелек, и я поймала его в воздухе.

– Хм-м. Вечеринка, посвященная жалости к себе. Спасибо за приглашение, Джесси, но я сегодня занят.

– Ты придурок, – вздохнула я.

– Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

– Шон Коннери носил парик во всех своих фильмах про Джеймса Бонда, – сказала я.

Бэйн рассмеялся:

– Что за бред?

– Ты попросил сказать что-нибудь, чего ты не знаешь.

Спорим, этого ты не знал.

Он покачал головой, его плечи теперь сотрясались от смеха, и все его тело, подобно солнцу, излучало радость. Он поздравил меня жестом руки.

– Ну же, пошли. Я куплю тебе смузи.

– Это место принадлежит тебе, – уже второй раз за последнюю минуту я закатила глаза. И снова начала говорить, как прежняя Джесси, огрызаясь, как будто завтрашний день не наступит.

Бэйн открыл стеклянную дверь кофейни и зашел внутрь, даже не проверив, следуя ли я за ним. Его идиотская тактика сработала, потому что после короткой паузы я тоже сделала шаг вперед. Я не знала, что в Бэйне такого особенного, что придавало общению с ним легкость. Но я понимала, что он делает. Он пытался бросить меня обратно в жестокие объятия реального мира. Мира, который я ненавидела, но в то же время по которому так сильно скучала. И по каким-то причинам, несмотря на парализующий страх, я позволяла ему это.

Все смотрели на нас.

И это не фигура речи. Буквально все посетители устави-

лись на меня.

Будто каждый житель Тодос-Сантоса только и ждал, когда я выйду из своего укрытия, чтобы они смогли увидеть, действительно ли я монстр. Набрала ли я лишние килограммы или стала жертвой анорексии. Была ли в шаге от самоубийства или же просто сошла с ума. Побрилась ли налысо, содрала ли с себя кожу и потеряла ли свои потрясающие женские черты.

Слухи бесконечно ходили вокруг меня, и люди хотели удостовериться, что хотя бы часть из них правда.

Бэйн замедлил шаг, чтобы пойти рядом. Его лицо выражало одновременно злость и скуку – комбинация, которая не позволила никому произнести и слова в нашу сторону. В мою. Было ощущение, что он буквально ждал смельчака, который бы решился что-нибудь сказать, дабы на его примере объяснить, что делать этого не стоит, но никто не заглотил наживку. Я почувствовала, как мое лицо горит от смущения, но в то же время я не хотела уходить. В какой-то момент мне нужно было столкнуться с миром, и сегодняшний день был так же хорош для этого, как и любой другой, особенно когда я чувствовала защиту Бэйна Проценко.

Бэйн прошел за барную стойку, а я прислонилась к ее деревянной поверхности цвета шампань, наблюдая за ним. Он спокойно вымыл руки, затем кинул банан, клубнику и дыню в блендер, пока я забиралась на табурет, зарываясь лицом в свою толстовку. Люди уставились на него так, будто он

Мессия, ворвавшийся в город на своем осле и в блестящих стрингах. Он оторвал взгляд от высокого стакана, в который наливал мой коктейль, и рявкнул:

– Следующий, кто будет тарашиться, – уволен. Посетителей это тоже касается. Так как насчет яблок?

Я почти засмеялась. Почти. Но мне казалось, что я предам своим смехом новую Джесси.

Нынешняя Джесси не заводила друзей и уж точно не собиралась делить трапезу с Романом «Бэйном» Проценко, самым известным плохим парнем Тодос-Сантоса, только потому, что он проявил к ней легкий интерес. Бэйн кивнул в сторону углового столика, расположенного между стеклянными стенами с видом на океан.

– Присаживайся. Я подойду через секунду.

Меньше всего мне хотелось идти к нему самостоятельно, но я не могла струсить. Я последовала инструкциям Бэйна, предполагая, что он остался, дабы сделать смузи и для себя. Когда он подошел к нашему столику, то пододвинул ко мне коктейль и поставил перед собой стакан, приземлившись на стул напротив. Зловоние было безошибочным. Водка.

– За хороших друзей и плохие решения, – отсалютовал он своим напитком, склонив подбородок.

– Водка среди дня? – Я выгнула бровь, мой мозг предпочел пропустить воспоминание о том, что это был любимый папин напиток.

– Ты что, полиция веселья? – он спародировал мою изо-

гнутую бровь. – Если так, то тебя, вероятно, отстранят от работы за чтение непристойностей.

– Хотела бы я уметь *нейтрализировать*, как в фильме «Люди в черном»²⁰, и стереть все твои воспоминания о том абзаце. – Я проткнула смузи соломинкой. Он весь был в чертовых комочках.

– Не-а, у тебя бы не вышло, нет такого глагола – *нейтрализировать*.

– Ты что, полиция грамматики? Если так, то тебя, вероятно, посадили бы за использование слова «не-а».

Бэйн усмехнулся, позволяя насладиться своим великолепным профилем. Готова поспорить, он привык получать желаемое, когда щеголял своей будто вырезанной из камня челюстью и безбожно высокой фигурой. А еще готова поспорить, что прежняя Джесси уже бы отдала ему свое сердце и трусики, если была бы свободна. Черт, новая Джесси уже тоже об этом подумывала.

– Знаешь, я ведь тоже русская, – сказала я ни с того ни с сего, поднося розовую соломинку к губам и пробуя напиток. Бэйн вопросительно приподнял бровь, но ничего не ответил.

– Да, – я прочистила горло, бросив взгляд на стакан с водой. – Мой отец переехал сюда вместе с семьей, после того как распался Советский Союз. Однако большинство род-

²⁰ В фильме «Люди в черном» герои использовали для конспирации нейтрализатор – специальное устройство, созданное с помощью инопланетных технологий. Благодаря ему они могли воздействовать на мозг человека и стирать его воспоминания.

ственников сейчас в Чикаго. Я не говорю по-русски. Пэм сказала, что бесполезно его учить, потому что я никогда не поеду в Россию.

– Пэм – идиотка, – категорично отрезал Бэйн. Я не могла с этим поспорить, так что просто пожала плечами.

– Но я все же знаю несколько слов. – Я снова погрузила соломинку в свой коктейль и придвинула ее к губам, делая следующий глоток. Обычно я не ела ничего, кроме батончиков «КитКат» из своих запасов, поэтому считала это прогрессом. Жалким, но все же.

– Давай же послушаем их.

– *Сука, блин. Хорошо. Как дела. Пинец. Привет.*

– Все это либо проклятия, либо любезности. Твоя русская семья, должно быть, знает толк в пассивной агрессии.

Не знаю, почему его слова заставили меня так сильно смеяться. Может, все дело в осознании, что мы чувствовали себя настолько нормальными рядом друг с другом. *Нормальными*. Боже. Я даже не подозревала, как сильно скучала по этому чувству.

– Итак, расскажи мне про Бивиса и Баттхеда²¹. – Он оперся на стол, подавшись вперед.

Пуф! И ощущение нормальности исчезло.

– Ты имеешь в виду Генри и Нолана? – Я проткнула соломинкой кусочек клубники и поместила ее в рот, обхва-

²¹ Персонажи одноименного американского мультсериала о жизни двух подростков, проживающих в вымышленном городке Хайленд, штат Техас.

тив губами. Его взгляд, задержавшийся на них, пронзил меня током с головы до ног. Я отвернулась, сосредоточившись на чем-то безопасном: изображении Мэрилин Монро, выложенном кофейными зернами на совершенно белой стене позади Бэйна.

– Маленькие мерзавцы на Сагао. – Он прочистил горло. Я сделала глубокий вдох. Я делилась откровенностями только с миссис Белфорт, и то это было не в счет, поскольку она не помнила большую часть наших разговоров. С Майрой я тщательно подбирала слова. Но с Бэйном... кто знал, как я должна вести себя рядом с ним? Я все еще не выяснила – враг он или друг.

– Что ж, я думаю тебе известно о том видео... и об оргии. – Я тяжело сглотнула. Челюсть Бэйна дрогнула под густой бородой, и он сделал большой глоток своего напитка. – Я никогда не соглашалась.

– Это было изнасилование, – сказал он сухо, но в его взгляде больше не проглядывалось прежней твердости.

Мое тело застыло. Никто не называл это так... так никогда.

Нападение. Жестокое обращение. Надругательство. Сексуальное домогательство. Люди смягчали ситуацию, будто меня там не было, будто все это не происходило в реальности. Изнасилование. Меня изнасиловали. Я отделила локон волос и принялась жевать его.

Бэйн покачал головой, кладя ладонь на стол.

– Я незнаком с людьми, которые устраивают оргии в переулке, а потом отправляют себя в спонтанное путешествие на машине «Скорой помощи».

Я опустила взгляд.

– Отец Нолана работает в больнице. Он смог скрыть факт моего поступления, – призналась я, задаваясь вопросом, какого черта я все это рассказываю Бэйну – какого черта я вообще с ним разговариваю? – и ненавидя себя за каждое произнесенное слово и каждый сорванный слой. – Лечилась я дома, самостоятельно. Ко времени моего возвращения в школу только хромота напоминала об «Инциденте».

И шрамы на животе. Они все еще со мной. Дрожь прокатилась по моей коже. Нынешняя Джесси умоляла меня: *Не рассказывай ему. Не открывайся.* Но прежняя Джесси отметила: *Он назвал это изнасилованием. Никто раньше этого не делал. Рискни.* Интересно, с каких это пор она со мной разговаривала?

– К тому времени, как я вернулась в школу, ученики соскучились по драме. Приглушенные перешептывания, жалостливые взгляды. Все думали, что я шлюха, из-за того домашнего видео, на котором Эмери обнаружил, что я не... – Я не собиралась говорить слово «девственница». Потому что я ею была. До него я ни с кем не спала. Но мне никто не верил. Я склонила голову. – Во всяком случае, именно так я и стала Неприкасаемой. Каждый раз, когда кто-нибудь хотел коснуться меня, я убегала или того хуже. Как будто существо-

вало две версии меня: старая Джесси – девушка, которая когда-то была веселой, уверенной в себе и дружелюбной, и новая Джесси – та, что сейчас сидит перед тобой. Эта девушка до сих пор ждет, когда ты набросишься на нее и сорвешь одежду, просто потому, что физически можешь это сделать.

Тишина накрыла нас, подобно плотному одеялу. Он не выразил ни капли сочувствия.

– И поэтому ты никогда не выходишь из дома?

– Я выхожу, – защищаясь, ответила я. Кофейня была переполнена, и струйка пота стекала от затылка вниз, вдоль спины. Шум. Смех. Толпы людей. Все это вызывало во мне тревогу, но я старалась держать себя в руках.

Бэйн наклонился еще ближе. Его запах достиг моего носа. Я откинулась назад.

– Правда? И куда же? – спросил он.

– К своему психотерапевту.

– Максимум раз или два в неделю. Куда еще?

Я постукивала костяшками пальцев по краю стола, смотря куда угодно, только не на своего собеседника.

– В лабиринт.

– Лабиринт?

Я торжествующе кивнула.

– У моей соседки есть лабиринт из живой изгороди. Я хожу туда, когда мне надоедает слушать постоянное ворчание Даррена и Пэм о моем нежелании искать работу и друзей.

Будто их так просто найти.

– Сколько тебе лет, Джесси?

– В сентябре исполнится двадцать.

– Тебя устраивает твоя жизнь?

– Что это за вопрос такой?

– Тот, на который я хотел бы получить ответ. Жизнь заключается в том, чтобы суметь без дрожи смотреть на себя в зеркале.

– Поэтому ты вымогаешь деньги у невинных людей, а свое тело продаешь? – Я вызывающе вздернула подбородок. Мне не нравился его покровительственный тон. Было неприятно, что я открылась ему только потому, что он единственный, кто проявил хотя бы какую-то заботу. И мне ненавистна мысль, что он был прав. Я не жила. Не по-настоящему.

Однако ни одна из причин моей грубости не имела значения, как только я увидела его лицо. Его прищур, раздутые ноздри и короткие ногти, впившиеся в модное белое деревянное покрытие стола. *В этих венах застыл лед.* Эта мысль пронзила меня насквозь. Обычно Бэйн вел себя непринужденно, но теперь я видела его настоящего. Он снова натянул на лицо комбинацию из злости и скуки, мне хотелось сорвать ее и увидеть, что он на самом деле чувствовал по поводу моих слов, чтобы и мне почувствовать боль за то, что ранила его.

– Это правда. – Я повысила свой дрожащий голос, выпрямляя спину. – Вот кто ты. Преступник и мальчик по звову.

«Вышивырни меня отсюда. Отпусти. Я не так уж хороша, – умоляла я про себя. – Ты разрушишь меня, вот только рушить уже практически нечего. Пожалуйста, позволь сохранить то малое, что у меня осталось».

– Ты сама в это не веришь, – сказано он, его баритон звучал тихо и расслабленно.

– Что ты мужская версия шлюхи? Верю.

– Что ж, тогда убирайся отсюда к чертям, – он жестом указал на дверь, все с той же скучающей маской на лице. – Сейчас.

Я уставилась на него, обдумывая свой следующий шаг. Его глаза пугали меня больше слов. Они проникали в мою душу. Я схватила рюкзак из-под стула и встала. Во мне что-то шевельнулось. Что-то тревожное. Я чувствовала... ярость. Неожиданно сильно. Я не привыкла к этому чувству. Волновалась ли я? Конечно. Боялась? Больше, чем готова была признать. Но ярость была другой. Наполненной страстью.

Но это же бессмысленно. Я оскорбила его – и он меня выгнал. Что естественно. И даже понятно. Так почему же мне тогда хотелось швырнуть стакан со смузи ему в лицо и бросить вызов каждому произнесенному им слову? Все, что угодно, дабы вызвать больше разногласий, насмешек и впитывать его внимание, его взгляд и секреты.

Почему мне так хочется дать отпор этому парню? Может, потому, что после сегодняшнего дня я знала без тени

сомнений, что он не будет использовать физическое преимущество, чтобы выиграть.

– Спасибо за коктейль. – Я развернулась и вылетела на улицу, облегчение оттого, что я покинула переполненное людьми место, смешалось с раздражением и странным чувством утраты. Я схватилась за ручку двери своего автомобиля и распахнула ее.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты та еще заноза в заднице? – Голос Бэйна прогремел позади меня.

Я развернулась и наставила на него дрожащий палец.

– Ты сказал, что жизнь заключается в том, чтобы без дрожи смотреть на себя в зеркале. Мне просто интересно, спокойно ли ты смотришь на себя, когда спишь со случайными людьми ради услуг и денег.

Он одарил меня «взгляни-на-эту-маленькую-наивную-девочку» ухмылкой.

– Нужно ли мне напомнить тебе, что я молод, здоров, а в этом городе проживает огромный процент членожаждущих людей?

– То есть теперь слово «членожаждущий» существует, а «нейтрализовать» – нет?

Его выражение лица сменилось с покровительственного на удивленное, а затем с удивленного на озадаченное. Он покачал головой, делая еще один шаг ко мне.

– Тебе должно быть лучше всех известно, что слова на многое влияют.

– И что это значит? – закричала я, полностью повернувшись к нему. Мои ладони чесались от желания ударить его по лицу. Чайки парили над нами, будто подслушивая.

– Это значит, что ты несносная. – Он наконец вздохнул, продолжая покачивать головой.

– Может быть. Ну так и не пытайся сделать меня сносной. – Я развернулась обратно к машине и дернула дверцу.

– Отлично. Давай. Продолжай прятаться от всего мира.

– Я не прячусь.

– Как скажешь. Лишь бы тебе спокойно спалось по ночам, Снежинка.

Я не сплю ночами. Уже давно нет.

– Перестань меня так называть.

– Почему же? Тебе это идеально подходит, учитывая, что твой мозг как раз уже начал плавиться.

Я ждала, что он еще что-нибудь скажет. Я снова повернулась к нему, не до конца понимая, почему мне было так трудно просто уйти. Мы стояли друг напротив друга на оживленной набережной, тяжело дыша и пронзая друг друга тяжелыми взглядами. Мы устроили сцену и привлекли внимание окружающих. Я вцепилась в свои волосы, осознав, что где-то в течение этого часа сняла бейсболку и капюшон. И люди теперь могли меня видеть. Мое лицо. Мою уязвимость. Всю меня.

Я развернулась, запрыгнула в машину и уехала так стремительно, словно за мной гнался сам дьявол.

На первом же светофоре я ударила по рулю и закричала.
Это было прекрасно.

Я чувствовала себя живой.

Я позволила восхитительной боли и ярости закрутиться во мне, подобно шторму, понимая, что пожалею о каждом сказанном Бэйну слове.

Осознавая то, что он, вероятно, тоже знал.

Я не смотрелась в зеркало несколько месяцев, а может быть, и лет.

Настолько долго, что иногда даже забывала цвет собственных глаз.

Глава шестая

Бэйн

Жизнь заключается в том, *чтобы без дрожи смотреть на себя в зеркале.*

Пять минут.

Столько я смотрел на свое отражение, чтобы удостовериться, что Снежинка ошибалась. Так оно и есть. Я даже не моргнул.

Меня не раздражали ее комментарии в «Кафе Дьем». Но меня волновало – и не в хорошем смысле, – что из всех жителей Годос-Сантоса именно Джесси Картер повесила на меня ярлык шлюхи. Люди имеют право трахаться с кем захотят, если это происходит в рамках закона и по обоюдному согласию. Она, вероятно, все же изменила своему школьному возлюбленному и лишилась девственности с кем-то другим. Обвиняет других, когда и сама хороша?

Впрочем, неважно. К черту все, и ее тоже.

– Ладно, Грир, спасибо за великолепный вечер и прекрасный минет, – я бросил платье своей вторичной девушки на кровать.

Я жил в плавучем доме на пристани. Купил его в восемнадцать лет, потому что хотел иметь что-нибудь свое – что-

то реальное, помимо плохой репутации, – и за все эти годы не видел смысла переезжать куда-то еще. Сейчас я мог бы позволить себе гораздо больше, чем хренову мини-яхту. Но плавучий дом меня вполне устраивал: красивый, уютный, и каждое утро я подкармливал рыб, чтобы сказать им спасибо, что поделились со мной океаном. К тому же размеры моей спальни позволили вместить широкую двуспальную кровать, и это все, что имело для меня значение. Место, где можно поесть, справить нужду и поспать.

Белокурая грива Грир рассыпалась по ее спине, когда она села на край матраса, лениво потягиваясь.

– Тебя что-то отвлекало? – зевнула она.

– Что?

Я распахнул дверь, ведущую на палубу. На мне не было ничего, кроме трусов. Но и они были натянуты наполовину, обнажая мою татуированную ягодицу. Черепа с розами в глазницах, битва монстров, морские существа, ползущие по бедру. Я выглядел как человеческий холст, потому что гребаная Снежинка говорила правду. Про глаза. Про зеркало. Честно говоря, и про все остальное тоже.

Отрицание заставляло чувствовать себя еще большим дерьмом.

– Казалось, будто твои мысли где-то далеко. – Грир, завернутая в одну лишь белую простыню, закурила сигарету и присоединилась ко мне на палубе, прислонившись к перилам. Рев океана заставил ее кожу покрыться мурашками. Я

повернул к ней голову.

– Это твой мягкий способ сказать, что я облажался? – Я легонько щелкнул ее по подбородку, и она задрожала от удовольствия.

– Ты не можешь облажаться, Бэйн. Именно поэтому я держу тебя при себе. – Она подмигнула, и я шлепнул ее по заднице.

– Передай Брайану, что мне нужно, чтобы он задержал инспекторов по охране здоровья и техники безопасности. Они хотят проверить «Кафе Дьем», но у нас снова протекают краны. – Еще сто штук из аванса Даррена, которые я потрачу на сантехнику, прежде чем выполню свою часть сделки.

Брайан Диаз – шериф нашего округа. Я помогал его жене оставаться счастливой, а он, в свою очередь, предоставлял мне доступ к полицейским файлам и закрывал глаза на некоторые вещи, которые вряд ли поставили бы меня в первые ряды списка «Гражданин года» города Тодос-Сантос. Со стороны все это выглядело хреново, но, поверьте, это не так. Брайан был геем, а еще он происходил из известной католической и богатой семьи. И последнее, в чем он нуждался, – отречение семьи и потеря жирного наследства и значка. Никому не нужен шериф, который втайне любил клеить мальчиков в париках кислотных цветов на пляже Редондо. И не то чтобы он был плохим мужем, но у Грир оставались потребности. Я решил их проблему, а они, в свою очередь, позаботились обо мне.

– Передам. Что-нибудь еще? – Она уткнулась носом в мое плечо. Грир ощущалась теплой, мягкой, а еще неправильной. Внезапно я понял, что не желал продолжения. Я хотел, чтобы она ушла.

– Нет.

От перспективы еще одного раунда нашего родео меня спас стук в дверь. Я сломал пополам сигарету Грир и выкинул остатки в воду.

– Скажи «нет» раку.

– Ты сам куришь, как дымоход, – засмеялась она.

– Да, но тебе стоит думать о себе. – С этими словами я кивнул в сторону спальни, молча призывая ее стать невидимкой. Надев штаны, я открыл дверь.

Хейл.

Я прислонился к дверному косяку, сложив руки на груди.

– Скучал по мне? – Ухмылка на его лице была главной причиной, по которой изобрели удары исподтишка.

– Как по протухшим крабам, малыш. – Я зажал губами сигарету, которую собирался выкурить на палубе. Хейл вломился в мою гостиную, будто она принадлежала ему. На нем были гавайские шорты и черный верх от гидрокостюма. Я закрыл за нами дверь, мысленно проклиная его за то, что он заставлял Грир оставаться здесь еще дольше. Хейл плюхнулся на диван и закинул скрещенные лодыжки на кофейный столик, чувствуя себя как дома.

– Ты теряешь время, Капитан «Спаси-Шлюшку», – предо-

стерег он, скрестив руки за головой и с улыбкой глядя на мой обшарпанный потолок.

– И я должен притвориться, что знаю, о чем ты говоришь? – Я подошел к холодильнику, достал две бутылки пива и бросил одну в руки Хейла. Свою бутылку я открыл о край стола.

– Я говорю не о тебе. – Хейл сделал глоток пива. – А о Джесси Картер. Вас с ней видели у «Кафе Дьем», в разгаре сцены. Любовная ссора?

Я не знал, что ответить. Но от одного только осознания, что он назвал ее шлюхой, мне захотелось впечатать свой кулак ему в лицо с такой силой, чтобы потом его не смогли узнать даже собственные родители.

– Она твоя приманка? – Хейл повернулся боком, чтобы находиться прямо напротив меня, и наклонил голову. – Так твой инвестор – Даррен Моргансен? Хотел бы я, чтобы ты мне больше рассказывал о «Серф-Сити».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.